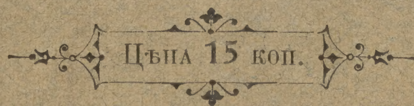
Книгоиздательство Е. Д. Мягкова.
«КОЛОКОЛЪ»

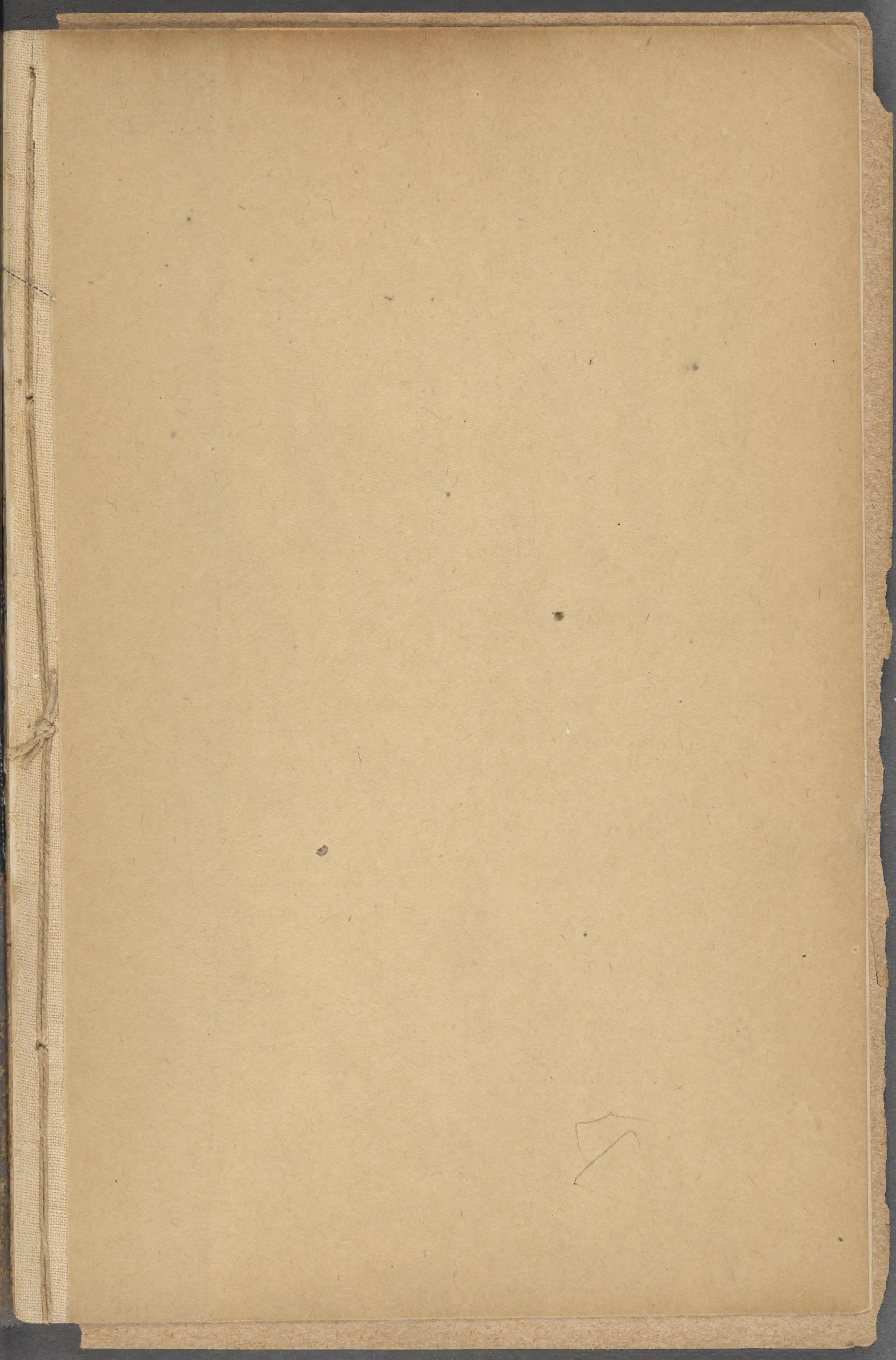
Залкиндъ.

ИСТОРІЯ Русской фабрики.

Подъ редакціей приватъ-доцента
Н. А. Рожкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова.
«КОЛОКОЛЪ»

Залкиндъ.

ИСТОРІЯ
Русской фабрики.

Подъ редакціей приватъ-доцента
Н. А. Рожкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1906.

Тип. «Сѣверъ» А. М. Лесмана, Спб., Садовая, 42.

Исторія русской фабрики.

(Компиляція по Туганъ-Барановскому).

Исторія русской фабрики начинается съ Петра. До этого времени промышленность наша находилась въ стадіи мелкаго производства. Если не считать нѣкоторыхъ единичныхъ и при томъ совершенно неудачныхъ попытокъ устройства фабрикъ въ XVI и XVII вѣкѣ иностранцами и боярами при поддержкѣ со стороны правительства, то можно съ увѣренностью сказать, что Московская Русь совсѣмъ не знала фабричнаго производства. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія, будто до-петровская Русь была государствомъ исключительно земледѣльческимъ, совершенно не знавшимъ торговли. Торговый капиталъ уже тогда игралъ весьма и весьма важную роль въ жизни русскаго государства. Въ Россіи, слѣдовательно, какъ и въ другихъ странахъ, промышленному капиталу предшествовалъ капиталъ торговый. Купеческое торговое сословіе, или, какъ тогда называли, гости, являлось однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ общественныхъ элементовъ Московской Руси. Благодаря рѣдкости населенія и ничтожному количеству городовъ торговецъ былъ необходимымъ посредствующимъ звеномъ между производителемъ и потребителемъ. Купечество являлось однимъ изъ наиболѣе полезныхъ и нужныхъ государству сословій. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что политическое вліяніе этого сословія сказывается весьма сильно еще задолго до Петра. Вліяніе это распространялось даже на законодательство до-петровской эпохи, яркимъ примѣромъ чему можетъ служить «новоторговый уставъ», изданный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. «по челобитью Московскаго государства гостей и гости-

ныхъ сотенъ и черныхъ слободъ торговыхъ людей». Уставъ этотъ является лучшимъ доказательствомъ экономической и политической мощи торговаго сословія въ до-петровскую эпоху.

Изъ сочиненій иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ эту эпоху и хорошо знакомыхъ съ жизнью и порядками Московскаго государства, можно привести множество цитатъ, тоже ярко свидѣтельствующихъ о большей распространенности торговли въ Московской Руси и о громадномъ значеніи и силѣ торговаго капитала. Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. Если принять во вниманіе цѣнность денегъ тогда и теперь, то окажется, что ежегодные обороты многихъ московскихъ купцовъ достигали нѣсколькихъ милліоновъ. Отсюда можно судить о концентраціи торговаго капитала еще задолго до Петра. Итакъ, въ торговлѣ крупный капиталъ игралъ очень большую роль уже въ Московской Руси. Напротивъ, въ промышленности, какъ я уже говорилъ, господствовало исключительно мелкое производство. Купечество не обнаруживало никакихъ наклонностей захватить въ свои руки производство. Купецъ предпочиталъ заниматься торговлей, скупая продукты труда мелкаго производителя-кустаря. Это занятіе давало ему огромнѣйшую прибыль и потому у него не было надобности вкладывать свои капиталы въ другія предпріятія, напримѣръ: устройство собственныхъ крупныхъ мастерскихъ и фабрикъ. И только Петру удалось, наконецъ, направить русскіе капиталы на этотъ новый путь.

Не слѣдуетъ, однако, слишкомъ переоцѣнивать роли Петра въ этомъ дѣлѣ. Въ нашей литературѣ не рѣдкость встрѣтить взглядъ на крупную промышленность Петровской эпохи, какъ на явленіе привитое искусственно, чуть ли не по капризу и прихоти Петра. Ближайшее изученіе этого вопроса во всякомъ случаѣ приводитъ къ нѣсколько инымъ результатамъ. Характеристика Петровской промышленности, какъ искусственной, совершенно не выдерживаетъ критики хотя бы по одному тому, что

самое раздѣленіе соціальныхъ явленій на искусственныя и естественныя является чрезвычайно нелѣпымъ. Если этимъ терминомъ хотѣли указать на то, что промышленность въ Россіи начала развиваться подъ непосредственной опекой правительства, то въ такомъ случаѣ и промышленность какой угодно западно-европейской страны можетъ быть также названа искусственной, если не въ цѣломъ, то на три четверти или, по крайней мѣрѣ, на половину, по той же самой причинѣ. Критики не укажутъ ни одной страны, гдѣ правительство относилось бы совершенно пассивно къ развитію промышленности въ своемъ государствѣ. Наоборотъ, возникновеніе крупной промышленности при Петрѣ болѣе чѣмъ естественно. Оно вызвано естественнымъ развитіемъ русскаго государства, и въ этомъ видѣ является даже историческою необходимостью. Чтобы показать это, остановимся нѣсколько подробнѣе на реформаторской дѣятельности Петра. Неуклюжій государственный механизмъ Московской Руси пришелъ въ рѣшительное противорѣчіе съ вновь нарождавшимися государственными и общественными потребностями еще задолго до Петра. Все увеличивавшійся внутри страны обмѣнъ, разросшаяся торговля съ Востокомъ, сношенія съ западно-европейскими странами, постоянныя войны на западной и восточной границахъ— все это неудержимо толкало Россію на путь реформъ. Необходимо было реорганизовать армію, нужно было измѣнить весь административный и судебный аппаратъ, нужно было обратить большее вниманіе на промышленность и торговлю—вотъ какія задачи стояли тогда передъ русскими царями. Все это было ясно еще и предшественникамъ Петра. Но многаго сдѣлать въ этомъ направленіи имъ не пришлось. Дальше незначительныхъ попытокъ никто изъ нихъ не пошелъ. Для этого нужна была твердая и непреклонная воля Петра. Петръ шелъ по пути уже намѣченному и проложенному его предшественниками, но пошелъ много энергичнѣе и рѣшительнѣе. Онъ, наконецъ, провелъ въ жизнь тѣ необходимыя ре-

формы, которыя они только пытались намѣтить. Но во всякомъ случаѣ Петръ не пошелъ по какому то новому пути, совершенно противорѣчившему всей предыдущей эволюціи русскаго государства. Всѣ реформы, имъ задуманныя и проведенныя, находятся въ полной связи съ экономическимъ положеніемъ тогдашней Россіи. Россіи приходилось вести почти безпрерывныя войны на западной и южной границахъ. Старая же военная система, вслѣдствіе полной своей непригодности, ничего кромѣ неминуемыхъ пораженій принести не могла. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что Петръ употребилъ чрезвычайно много усилій на реорганизацію нашей арміи. Вмѣсто прежнихъ недисциплинированныхъ, плохо вооруженныхъ и вслѣдствіе этого совершенно непригодныхъ для военныхъ надобностей стрѣлецкихъ полковъ, онъ ввелъ образцово вооруженную и обученную по послѣднимъ правиламъ военнаго искусства регулярную армію. Неуклюжую старую, совершенно не отвѣчавшую своему назначенію, солдатскую аммуницію, онъ замѣнилъ новой, гораздо болѣе удобной и пригодной. Онъ усилилъ русскую армію почти неизвѣстной до него частью—артиллеріей. Кромѣ того онъ положилъ начало рѣчному и морскому флоту въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Россія имѣла тогда для этого возможность. Всѣ эти нововведенія въ военномъ дѣлѣ вызвали потребность въ такихъ предметахъ и продуктахъ крупнаго фабричнаго производства, которыя почти не находили сбыта въ до-петровскую эпоху.

Правительство стало постоянно нуждаться въ огромныхъ количествахъ сукна, полотна, желѣза, чугуна и другихъ столь же необходимыхъ для войска предметахъ. Такъ открылся у насъ широкій рынокъ и для массоваго крупнаго производства.

Въ эпоху Московской Руси несложныя потребности государства и высшихъ классовъ населенія удовлетворялись частью домашней мелкой промышленностью, частью ввозомъ иностранныхъ товаровъ. Но далѣе подобное положеніе дѣлъ продолжаться не могло. Реорганизація арміи,

а также все усиливавшійся ростъ потребностей высшихъ и частью среднихъ классовъ, благодаря тѣмъ перемѣнамъ, которыя ввелъ Петръ даже и въ частный обиходъ своихъ подданныхъ, требовали уже крупнаго фабричнаго производства. Ввозъ однихъ только иностранныхъ товаровъ являлся уже совершенно недостаточнымъ, и къ тому же страшно невыгоднымъ. Петръ, побывавъ за-границей и на мѣстѣ познакомившись съ успѣхами западно европейской промышленности и той пользой, тѣми богатствами, которыми эти страны были исключительно обязаны быстрому промышленному и торговому прогрессу, не могъ не видѣть, что развитіе промышленности въ Россіи принесетъ государству такія же неисчислимыя выгоды. И вотъ мы видимъ, что Петръ направляетъ всѣ усилія на развитіе у насъ крупной промышленности. Онъ щедро раздаетъ субсидіи всѣмъ заявившимъ желаніе открыть фабрику или заводъ, онъ предоставляетъ фабрикантамъ и заводчикамъ широкія льготы и привиллегіи—и все это для того, чтобы привлечь наше торговое сословіе на новый путь, на путь крупнаго фабричнаго производства. Какъ уже указывалось, купечество наше владѣло огромными капиталами еще задолго до Петра. Но капиталы эти, по уже приведеннымъ причинамъ, находили тогда чрезвычайно одностороннее примѣненіе, именно только въ торговлѣ и ростовщичествѣ. Новыя государственныя потребности и открывшійся благодаря этому новый рынокъ, льготы, которыя такъ щедро и обильно раздавалъ Петръ—все это не могло не привлечь русскіе капиталы на новый путь, на путь устройства фабрикъ и заводовъ.

Такимъ образомъ торговый капиталъ и у насъ въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, послужилъ основаніемъ для развитія промышленности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ фамиліямъ Петровскихъ фабрикантовъ. Тогда мы увидимъ, что огромное большинство фабрикантовъ были именно «гости», т. е. представители крупнаго торговаго капитала. Изъ болѣе чѣмъ ста фабрикъ всего двѣ-три и то менѣе значитель-

ныхъ находились въ рукахъ иностранцевъ. Дворянамъ и разночинцамъ принадлежала также очень незначительная часть фабрикъ. О томъ, что роль правительства въ дѣлѣ возникновенія русской промышленности была уже вовсе не такъ велика, можно судить еще и по слѣдующему обстоятельству. Правительство, несомнѣнно, роздало множество субсидій фабрикантамъ. Всматриваясь, однако, ближе въ размѣры этихъ субсидій, мы убѣдимся, что онѣ составляютъ сравнительно небольшую долю съ общей суммой, затраченной купцами на устройство своихъ фабрикъ и на производство. Этими пособіями, которыхъ было выдано приблизительно на сумму 100.000 рублей, могли воспользоваться десятокъ-другой частныхъ фабрикъ, а всего ихъ было учреждено въ Петровское время больше ста. Слѣдовательно, большая часть основанныхъ частными лицами фабрикъ, обходилась безъ денежной помощи казны, а устраивались исключительно на средства своихъ хозяевъ—бывшихъ московскихъ «гостей». Выводъ отсюда ясенъ: крупное производство, возникшее при Петрѣ, вовсе не является искусственно привитымъ и насажденнымъ только по мановенію руки царя. Появленіе его болѣе чѣмъ естественно. Историческая необходимость заставила Петра реорганизовать государственный механизмъ, усилить армію и флотъ. А эти реформы, въ свою очередь, повлекли за собою возникновеніе крупнаго производства, фундаментомъ которому послужилъ крупный торговый капиталъ, находившійся въ рукахъ нашего купечества.

Тѣмъ не менѣе крупное производство, возникшее при Петрѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо капиталистическимъ. Социальное и экономическое положеніе тогдашней Россіи было таково, что капиталистическое производство было невозможно. Для послѣдняго не хватало въ Россіи самаго важнаго условія—класса свободныхъ рабочихъ. Все сельское населеніе и большая часть городского были крѣпостными, частью принадлежавшими казнѣ, частью дворянамъ-помѣщикамъ. Между тѣмъ огромное большинство петровскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ

состояло исключительно изъ купцовъ, разночинцевъ и иностранцевъ. Петръ, поэтому, выпужденъ былъ также позаботиться о снабженіи открывшихся фабрикъ рабочими. Особымъ указомъ Петръ разрѣшилъ нанимать на фабрики русскихъ и иноземныхъ учениковъ «платя имъ за труды достойную плату».

Если фабрикантъ получалъ изъ рукъ казны уже устроенную фабрику, то вмѣстѣ съ фабрикой обыкновенно переходили къ нему и фабричные рабочіе. Изъ какихъ же классовъ населенія вербовались такъ называемыя «ученики?» Большая часть ихъ набиралась изъ солдатскихъ дѣтей. Главный же контигентъ фабричныхъ рабочихъ составляли бѣглые крѣпостные и казенные люди. Объ огромномъ значеніи бѣглыхъ крестьянъ для тогдашней фабрики можно судить по приказу Петра, которымъ воспрещается возвращать ихъ съ фабрикъ прежнимъ законнымъ владѣльцамъ. Какъ извѣстно, при Петрѣ состоялось окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, и указъ этотъ, являющійся очевиднымъ противорѣчіемъ съ общей политикой Петра въ крестьянскомъ вопросѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ огромной роли труда бѣглыхъ крестьянъ въ производствѣ того времени. Всѣ эти мѣры не могли, однако, снабдить фабрики достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Отсутствіе подготовленнаго и обученнаго рабочаго давало себя знать, и работа при помощи вольнонаемнаго труда оказывалась почти невозможной. При такихъ условіяхъ единственнымъ исходомъ являлся принудительный, крѣпостной трудъ. Фабриканту было выгодно прикрѣпить рабочаго еще по слѣдующей причинѣ. Проработавъ нѣкоторое время на фабрикѣ, рабочій дѣлался уже искуснымъ и опытнымъ мастеромъ. Спросъ на такихъ рабочихъ былъ чрезвычайно великъ, и хозяинъ нисколько не былъ обезпеченъ отъ того, что обученнаго имъ рабочаго не сманятъ на другую фабрику. Указъ 1728 г. и былъ вызванъ именно этими причинами. Указомъ этимъ «купецкимъ людямъ» предоставлялось право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни,

дабы «та деревня должна быть при фабрикѣ уже неотлучно». Въ 1736 году новымъ распоряженіемъ правительства всѣ мастера, работавшіе къ этому времени на фабрикахъ по вольному найму, уже прикрѣплялись навсегда къ фабрикамъ. Такъ водворилось у насъ крупное производство съ принудительнымъ трудомъ.

Вмѣстѣ съ правомъ имѣть крѣпостныхъ людей, фабрикантамъ были предоставлены и всѣ прочія привиллегіи, напр., въ дѣлѣ наказанія и обузданія рабочаго, которыми обладали помѣщики надъ своими крестьянами. Фабрика наша приняла характеръ рабочаго дома, порядокъ въ которомъ поддерживался суровой дисциплиной, а поощреніемъ къ труду служили тяжелыя наказанія. Переходъ русской фабрики отъ вольнонаемной работы къ крѣпостной, былъ возможенъ лишь при чрезвычайно низкой производительности труда. Пока работа на фабрикѣ имѣла принудительный характеръ, она оставалась весьма малоуспѣшной.

Въ этомъ и заключается основная причина медленнаго развитія нашей фабричной промышленности въ XVIII вѣкѣ. Благодаря господству крѣпостнаго труда, промышленная техника въ теченіе всего XVIII вѣка не дѣлала никакихъ успѣховъ. Товары, изготовлявшіеся на нашихъ фабрикахъ отличались крайней дороговизной и низкимъ качествомъ. Жалобы на плохія качества выработанныхъ суконъ все увеличиваются. При Аннѣ Леопольдовнѣ была созвана комиссія для разслѣдованія причинъ малоуспѣшности нашего фабричнаго производства. Какъ и слѣдовало ожидать, одной изъ главнѣйшихъ причинъ плохого состоянія, напр., суконнаго дѣла является ужасное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе крѣпостного рабочаго, которое даже съ точки зрѣнія комиссіи признано «крайне неудовлетворительнымъ». Вотъ нѣкоторыя интересныя данныя, характеризующія тѣ прямо невозможныя условія, въ которыхъ приходилось работать на тогдашнихъ фабрикахъ: «фабричныя зданія не ремонтировались; потолки протекали; песокъ и соръ, падавшіе со стѣнъ и потолка,

пачкали въ рукахъ работу; полы земляные; свѣту не хватало даже днемъ, чтобы имѣть возможность внимательно слѣдить за работой; рабочіе такъ плохо одѣты, что «нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ»; о продолжительности рабочаго дня можно судить по тому, что комиссія, уже желая улучшить положеніе рабочихъ, устанавливала рабочій день въ 14 час. въ сутки.

* * *

Эпоха послѣ Петра, какъ извѣстно, характеризуется ростомъ политическаго вліянія дворянъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Всѣ тѣ привиллегіи и льготы, которые получило торговое сословіе отъ Петра, въ особенности предоставленное фабрикантамъ право не возвращать бѣглыхъ крестьянъ ихъ старыхъ хозяевамъ, явно шли въ ущербъ дворянскимъ интересамъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что политика правительства по отношенію къ фабрикантамъ-купцамъ измѣняетъ курсъ.

Фабрикантамъ сначала запрещаютъ покупать крѣпостныхъ вмѣстѣ съ землей. Затѣмъ сенатскимъ указомъ 1752 года былъ опредѣленъ максимумъ числа рабочихъ, которыхъ могъ прикупить фабрикантъ. Максимумъ этотъ былъ ограниченъ 12—42 душами, а въ 1762 году Петръ III совсѣмъ запретилъ прикупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, какъ съ землей, такъ и безъ земли. Результатомъ всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣръ явилось значительное измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса. По свѣдѣніямъ мануфактуръ-коллегіи за 1773 годъ мы находимъ, что изъ 328 фабрикъ дворянамъ принадлежатъ уже 66, а иностранцамъ 46 фабрикъ. Обороты дворянъ немногимъ не достигаютъ 1/3 оборотовъ всѣхъ фабрикъ; особенно перевѣсъ дворянъ замѣченъ въ суконномъ производствѣ, какъ находящемся подъ особымъ покровительствомъ правительства. Изъ 40 суконныхъ фабрикъ дворянамъ принадлежитъ 19. Благодаря тому, что дворяне сохранили за собой право пользоваться крѣпостнымъ тру-

домъ, а у фабрикантовъ-купцовъ право это было совершенно отнято, въ концѣ XVIII-го вѣка переходъ фабрикъ въ руки дворянъ еще болѣе усилился. Въ 1809 году изъ 108 фабрикъ, поставлявшихъ сукно въ казну только 12 принадлежитъ купцамъ, а остальные дворянамъ. Вообще вся внутренняя политика Екатерины II явно склонялась въ защиту интересовъ дворянства. Вполнѣ опредѣленно политика эта проявляется въ программѣ мануфактуръ-коллегіи, созванной при Екатеринѣ. Въ интересахъ дворянства проэктируется запретить фабрикантамъ прикупать крестьянъ; въ интересахъ того же дворянства предполагается обратить особенное вниманіе на развитіе домашнихъ крестьянскихъ промысловъ. Центръ вниманія и попеченій правительства былъ теперь обращенъ исключительно на дворянскую промышленность, фабрики же, принадлежавшіе купцамъ и разночинцамъ, значительно освободились отъ правительственной опеки. И нужно признаться, что въ цѣломъ отъ этого промышленность только выиграла, хотя можетъ быть отдѣльные фабриканты и раззорились. Чрезмѣрная опека, даже и всецѣло направленная въ защиту промышленности, всегда въ концѣ-концевъ оказывается тормазомъ въ ея дальнѣйшемъ развитіи. И сравнительная свобода, предоставленная нашей промышленности, не преминула оказать своего благодѣтельнаго дѣйствія. Съ этого времени развитіе ея, дотолѣ чрезвычайно медленное, пошло много быстрѣе. При вступленіи на престолъ Екатерины (1762 г.) считалось 984 фабрикъ и заводовъ, а въ годъ ея смерти 3161. Такимъ образомъ въ 34 года царствованія Екатерины количество фабрикъ и заводовъ болѣе чѣмъ утроилось. Быстрый ростъ фабричнаго производства въ концѣ 18-го вѣка объясняется также тѣмъ, что къ этому времени уже образовался довольно значительный контингентъ обученныхъ рабочихъ. Но особенно яркимъ свидѣтельствомъ прогресса нашего производства являлся фактъ значительнаго увеличенія за это время вольнонаемнаго труда, который составляетъ необходимое условіе для правильнаго развитія крупной

промышленности, для прогресса техники и роста производительности труда. Вольнонаемные рабочіе главнымъ образомъ пополнялись городскимъ населеніемъ, которое сильно увеличилось къ этому времени, а также крестьянами, приходившими изъ дальнихъ губерній работать на фабрики. Этотъ обычай—уходить на заработки—былъ уже и тогда сильно распространенъ, о чемъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, въ которыхъ сохранились свѣдѣнія по этому вопросу, на отхожіе промыслы уходили отъ 5 до 20% мужского населенія, а въ Ярославской губерніи на тѣ же неземледѣльческіе отхожіе промыслы уходило болѣе одной трети мужчинъ.

На ряду съ развитіемъ фабричной промышленности во второй половинѣ XVIII-го вѣка наблюдается и ростъ кустарнаго производства. Крестьянская промышленность въ это время была направлена на обработку тѣхъ продуктовъ, которые производились самими крестьянами. Изъ существовавшихъ тогда кустарныхъ промысловъ особенное значеніе имѣло пряденіе и ткачество льна. Далѣе въ лѣсныхъ губерніяхъ были развиты разнообразные промыслы, связанные съ обработкой дерева. Большая часть гвоздей, поступавшихъ въ продажу, также выдѣлывалась кустарями. По берегамъ судоходныхъ рѣкъ было развито судостроеніе. Крестьяне также выдѣлывали грубое сукно, которое поступало на продажу. Не подлежитъ сомнѣнію, что конецъ XVIII-го вѣка характеризуется развитіемъ промышленности въ обѣихъ формахъ—фабричной и кустарной. Антагонизмъ этихъ двухъ формъ производства въ эту эпоху обнаруживался еще очень слабо; даже наоборотъ можно съ увѣренностью утверждать, что именно ростъ фабричной промышленности послужилъ основаніемъ и толчкомъ для развитія многихъ отраслей кустарнаго производства. Объясненіе этого на первый взглядъ невѣроятнаго факта заключается въ слѣдующемъ. Фабрика въ XVIII вѣкѣ была у насъ единственной школой промышленнаго искусства. Иноземные мастера научали русскихъ

рабочихъ, работавшихъ на фабрикахъ новымъ пріемамъ производства, которые были до этого времени совершенно неизвѣстны въ Россіи. Но, такъ какъ фабрики эти въ сущности были только мануфактурами—работа на нихъ производилась почти исключительно руками, то новые производства могли съ одинаковымъ успѣхомъ исполняться, какъ на фабрикахъ, такъ и крестьянами въ ихъ собственныхъ избахъ. Крестьянинъ, получивъ на фабрикѣ недостававшіе ему техническія знанія, возвращался домой и тамъ устраивалъ собственную кустарную мастерскую. Фабрика въ мануфактурный періодъ такимъ образомъ сыграла огромную роль въ развитіи нашего кустарнаго производства. Этотъ любопытный фактъ возникновенія кустарныхъ промысловъ черезъ фабрику будетъ неоднократно отмѣченъ нами и при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи русской фабрики.

* * *

Въ XIX вѣкѣ картина нашей промышленной жизни совершенно измѣняется. Русская крупная промышленность, будучи обязана своимъ возникновеніемъ непосредственному воздѣйствію государственной власти и удовлетворяя на первыхъ порахъ почти исключительно потребности одного государства, она въ XIX вѣкѣ сама дѣлается однимъ изъ факторовъ, направляющихъ государственную политику. Если мы сравнимъ развитіе русской промышленности въ XVIII вѣкѣ и первой поновинѣ XIX-го, мы замѣтимъ въ этомъ развитіи слѣдующее основное различіе. Въ XVIII вѣкѣ развиваются преимущественно тѣ отрасли производства, которыя удовлетворяютъ спросу государства (суконное, парусное, писчебумажное, горнозаводское), а въ первой половинѣ XIX вѣка замѣчается быстрый ростъ именно тѣхъ производствъ, которыя были вполнѣ независимы отъ спроса государства, а главнымъ образомъ удовлетворяли требованіямъ спроса народнаго, каковымъ, напр., является производство хлопчатобумажное. Фабрика начинаетъ мало по малу органически срастаться съ русскимъ строемъ, она уже является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ не

только для правительственныхъ надобностей, но и для народнаго крестьянскаго обихода. Хлопчатобумажная промышленность, которая сдѣлала особенно крупные успѣхи въ первой половинѣ XIX вѣка, обязана своимъ развитіемъ росту внутренняго рынка въ лицѣ массоваго потребителя крестьянина. До этого времени крестьянство пользовалось для одежды грубымъ холстомъ и сукномъ, которое выдѣлывалось ими же самими. Бумажныя ткани не могли конкурировать съ этими продуктами домашней промышленности по той причинѣ, что въ XVIII вѣкѣ онѣ не обладали еще тѣмъ преимуществомъ, которое они получили впослѣдствіи. Бумажныя ткани не отличались еще той баснословной дешевизной, которая открыла имъ двери во всѣ части свѣта.

Въ XIX вѣкѣ въ области хлопчатобумажнаго производства начинается быстрый прогрессъ. Благодаря все увеличивающемуся примѣненію машины, производство значительно удешевляется, а послѣ англійскихъ промышленныхъ кризисовъ этой эпохи сильно падаетъ цѣна на пряжу. Все это вызываетъ небывалую дешевизну бумажныхъ тканей, и онѣ начинаютъ быстро входить въ народный обиходъ, вытѣсняя тѣ домашнія промыслы, которые поставляли разные предметы одежды. Съ 1812 по 1860 г, слѣдовательно за 50 лѣтъ количество переработаннаго въ Россіи хлопка увеличилось болѣе чѣмъ въ 50 разъ. Въ 1860 году было ввезено въ Россію 2.600.000 пуд. хлопка-сырца и 210.000 пуд. бумажной пряжи. До 40-хъ годовъ наше бумаготкацкое производство пользовалось преимущественно англійской пряжей. Ввозъ заграничной пряжи до 40-хъ годовъ ежегодно увеличивался, достигнувъ въ 1840 году 590.000 пуд. Начиная съ 40-хъ годовъ и далѣе въ области бумаготкацкаго производства происходитъ измѣненіе. Ввозъ пряжи сокращается, за то начинаетъ возрастать ввозъ хлопка-сырца. Объясняется это тѣмъ, что до 40-хъ годовъ русскимъ хлопчатобумажнымъ фабрикамъ приходилось поневолѣ пользоваться заграничной пряжей, такъ какъ на устройство бумагопря-

дильныхъ фабрикъ нужны были огромные капиталы и необходимо было выписать машины, а до 1842 г. вывозъ машинъ изъ Англіи былъ запрещенъ. Съ 42 же года, когда мы, наконецъ, получили возможность пользоваться англійскими машинами, наше бумаготкацкое производство сопровождается еще болѣе быстрымъ ростомъ бумагопрядильнаго производства. Такимъ образомъ русская хлопчатобумажная промышленность своимъ ростомъ много обязана общимъ міровымъ условіямъ промышленной эволюціи. Воспользовавшись крайне дешевой цѣной пряжи, наступившей изъ за англійскихъ кризисовъ, воспользовавшись техническими успѣхами европейской промышленности—русское хлопчатобумажное производство сдѣлало огромные шаги въ своемъ развитіи, пріобрѣвши себѣ прочный рынокъ, главнымъ образомъ, благодаря дешевизнѣ своихъ издѣлій, въ лицѣ массоваго потребителя.

Быстрый ростъ хлопчатобумажной промышленности вызвалъ у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, тяжелый кризисъ въ области обработки льна и пеньки.

Еще въ XVII столѣтіи русскій холстъ въ большомъ количествѣ вывозился за границу. Въ XVIII вѣкѣ вывозъ льняныхъ и пеньковыхъ фабричныхъ издѣлій продолжаетъ возрастать. Въ XIX вѣкѣ положеніе измѣнилось—вывозъ началъ падать. Причина этого паденія коренилась главнымъ образомъ въ области техники. Наше полотняное производство въ техническомъ отношеніи совсѣмъ не прогрессировало, на западѣ же техника льняного пряденья и ткачества быстро шла впередъ, и въ тоже время бумажныя ткани своей дешевизной вытѣсняли полотно. Заграничное полотно, ставшее много дешевле русскаго, благодаря значительному удешевленію производства, и бумажныя ткани окончательно лишили наше полотняное производство заграничнаго рынка, куда оно главнымъ образомъ поставляло свои издѣлія. Всего больше пострадали у насъ крупныя фабрики, работавшія для экспорта, число которыхъ за время 1804—1861 годъ понизилось съ 285 до 100. Несмотря на отеческую заботливость правительства, кри-

зисъ полотнянаго производства былъ тяжелѣе всего для помѣщичьихъ фабрикъ, вырабатывавшихъ тонкое полотно: производительность труда на этихъ фабрикахъ была особенно низка, такъ какъ фабрики эти работали исключительно при помощи крѣпостныхъ людей. Итакъ полотняное производство регрессировало, но оно въ этомъ смыслѣ является единственнымъ. Всѣ прочія отрасли текстильной промышленности быстро шли впередъ. О хлопчатобумажномъ производствѣ мы уже говорили Обратимся теперь къ суконному.

Съ самаго начала своего возникновенія суконное производство было излюбленнымъ дѣтищемъ русскаго правительства. Правительство дѣлало все возможное, для поддержанія и развитія этой отрасли, и тѣмъ не менѣе дѣло въ теченіе всего XVIII столѣтія туго подвигалось впередъ. Въ своемъ попеченіи правительство заходило уже слишкомъ далеко. Заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы суконныя фабрики могли удовлетворить весь спросъ со стороны казны, оно запрещало фабрикамъ продавать сукно на сторону, оно приказывало окрашивать сукна только въ единственный солдатскій цвѣтъ, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что сукно тайкомъ на сторону не продается. Большинство суконныхъ фабрикъ принадлежало дворянамъ, благодаря этому крѣпостной трудъ въ этой отрасли былъ особенно распространенъ. И вотъ, несмотря на многочисленныя субсидіи, награды, поощренія—суконное производство до 1822 на столько туго подвигалось впередъ, что не могло даже удовлетворять спросу одной казны, приходилось прикупать для казенныхъ надобностей сукно еще изъ Англіи. Убѣдившись, наконецъ, въ совершенной безуспѣшности своихъ мѣръ, правительство принуждено было отъ нихъ отказаться, и въ 1809 году суконнымъ фабрикамъ было предоставлено съ нѣкоторыми ограниченіями право продажи сукна въ частныя руки. Въ 1816 году суконныя фабрики были окончательно уравнены въ правахъ съ прочими фабриками, принадлежавшими частнымъ лицамъ. Съ этого времени

суконное производство начинаетъ идти впередъ, если не въ техническомъ отношеніи, этому препятствовало широкое пользованіе крѣпостнымъ трудомъ, то во всякомъ случаѣ количественно. Въ 1822 году впервые предложеніе солдатскихъ суконъ превышаетъ спросъ со стороны правительства. Дальнѣйшій ростъ суконнаго производства совершается уже не за счетъ потребностей казны. Спросъ на солдатскія сукна увеличивается чрезвычайно медленно, и удовлетворяется онъ вполнѣ однѣми старыми фабриками, принадлежавшими дворянамъ и получившими монопольное право быть казенными поставщиками.

Новыя фабрики работаютъ исключительно для вольной продажи. Сумма производства этихъ новыхъ фабрикъ въ 50-хъ годахъ въ 3—4 раза превышаетъ производство фабрикъ солдатскаго сукна. Такимъ образомъ суконное производство, въ XVIII ст. не удовлетворяя даже потребностей казны, въ первой половинѣ вѣка значительно подвинулось впередъ, потерявъ при этомъ свой старый государственный характеръ—появились новыя потребители, сравнительно съ которыми государство отошло на второй планъ.

Подводя итоги сказанному о развитіи разныхъ отраслей текстильной фабричной промышленности, мы можемъ отмѣтить слѣдующее. Текстильное производство въ цѣломъ быстро подвинулось впередъ за первую половину XIX столѣтія, и развитіемъ своимъ оно исключительно обязано росту внутренняго рынка. Русскій крестьянинъ, до этой поры пользовавшійся издѣліями собственнаго домашняго производства, начинаетъ все чаще обращаться къ продуктамъ фабричной промышленности. Его побуждаетъ къ этому личная выгода: фабричныя издѣлія много дешевле и удобнѣе. Общее представленіе о развитіи фабричной промышленности въ дореформенной Россіи можно получить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фабр. рабоч. прих.
Въ 1815 г.	4.189	172.882	41
» 1843 »	6.813	466.579	68
» 1861 »	14.148	522.500	37

Вообще нужно замѣтить, что число рабочихъ и размѣръ фабрики растетъ почти до конца 40-хъ годовъ, затѣмъ начинаетъ съ колебаніями падать. До 40-хъ годовъ фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнѣе, съ конца 40 хъ годовъ ростъ крупнаго фабричнаго производства пріостанавливается, фабрики стали раздробляться. Объясненіе этого слѣдуетъ искать въ ростѣ мелкихъ кустарныхъ промысловъ, которые въ 40-хъ годахъ достигли апогея своего развитія, и во многихъ отрасляхъ успѣшно вытѣсняли фабричное производство. Причиной этому были тѣ соціальныя условія, въ которыхъ приходилось развиваться нашей дореформенной фабрикѣ: недостатокъ свободныхъ рабочихъ, отсталость техники, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія—все это было причинами, ставшими тормазомъ въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи нашей промышленности. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ намъ придется говорить ниже въ главѣ о борьбѣ фабрики съ кустаремъ.

Для характеристики технической стороны нашихъ дореформенныхъ фабрикъ, необходимо остановиться на производствѣ, являющемся лучшимъ показателемъ техническаго прогресса страны—добычѣ желѣза, важнѣйшаго матеріала машинъ, орудій и инструментовъ.

Развитіе капитализма во всѣхъ странахъ характеризуется необычайно ростомъ желѣзодѣлательной промышленности. У насъ же въ дореформенную эпоху желѣзное производство влачило болѣе чѣмъ жалкое существованіе. Въ концѣ 18-го вѣка въ Россіи выплавлялось около 8 милліоновъ пудовъ чугуна. Въ теченіе первой половины XIX столѣтія чугунноплавильное производство почти не прогрессировало, и вплоть до 40 хъ годовъ не достигло еще 11 милліоновъ пудовъ. Затѣмъ оно стало слабо возрастать и къ концу 50-хъ годовъ достигло 16 милліоновъ пудовъ. Если принять во вниманіе ростъ населенія, то Россія не только не шла впередъ въ добычѣ желѣза, но даже регрессировала. Застой нашей чугунноплавильной

промышленности особенно бросается въ глаза, если сопоставить ее съ развитіемъ этой отрасли въ другихъ странахъ.

Въ 30-хъ годахъ Россія выплавляла 12% общей міровой добычи чугуна, а въ 1859 году на долю Россіи приходится всего лишь 4%. Вывозъ чугуна заграницу также значительно упалъ. Въ промежутокъ отъ 1795—1860 г: онъ уменьшился въ 4½ раза. Итакъ, фабричное производство въ цѣломъ прогрессировало, а отрасль по добычѣ металловъ, доставляющая средства производства капиталу и играющая вслѣдствіе этого важнѣйшую роль въ развитіи промышленности каждой страны, находилась на краю полной гибели.

Отчего же зависѣло такое печальное положеніе нашей желѣзодѣлательной промышленности? Виноваты тутъ опять соціальныя и экономическія условія дореформенной эпохи. Отрасли по добыванію средствъ производства для своего производства требуютъ высоко развитой техники и высокій культурный уровень рабочихъ, а между тѣмъ наше желѣзное производство до 61-го года особенно терпѣло отъ крѣпостного склада нашей жизни. Въ то время, когда другія отрасли нашей промышленности уже успѣли выбиться на путь сравнительной свободы, стали въ довольно широкихъ размѣрахъ примѣнять вольный трудъ, стали все чаще вводить машины, наша желѣзная промышленность продолжала изнывать отъ избытка правительственной опеки и крѣпостного труда. Именно этому господству принудительнаго труда обязана желѣзодѣлательная промышленность до-реформенной Россіи своей полной технической отсталостью. Машины и орудія, употреблявшіяся у насъ въ этомъ производствѣ, были тѣ же самыя, какія были въ обиходѣ чуть ли не въ началѣ XVIII-го столѣтія. Цѣна на желѣзо вслѣдствіе этого совершенно не понижалась у насъ, между тѣмъ какъ въ Англіи, благодаря прогрессу техники, цѣна на желѣзо понизилась на 60%. Пока рабочій на желѣзныхъ заводахъ работалъ изъ-подъ палки и произведенія его труда не могли про-

грессировать. Никакія льготы не могли замѣнить основного условія промышленнаго прогресса—свободы труда. Только благодаря свободѣ труда хлопчатобумажная промышленность, въ которой крѣпостной трудъ почти отсутствовалъ, дѣлала такіе быстрые успѣхи среди общаго застоя.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на роли какъ принудительнаго, такъ и свободнаго труда въ дореформенные годы. Въ петровскую эпоху на всѣхъ безъ исключенія фабрикахъ господствовалъ трудъ принудительный. Такъ какъ большинство петровскихъ фабрикантовъ принадлежало къ купеческому сословію, слѣдовательно собственными крѣпостными крестьянами не владѣло, то Петръ вынужденъ былъ предоставить имъ право прикупать для фабрикъ крестьянъ. Разрѣшеніе это явно противорѣчило искони установившемуся монопольному праву однихъ дворянъ владѣть крестьянами и правительству пришлось, поэтому, обратиться къ компромиссу. Не желая вызвать сильнаго неудовольствія со стороны дворянъ, правительство разрѣшило купцамъ прикрѣплять крестьянъ только къ фабрикѣ, но отнюдь не въ собственное владѣніе. Крестьяне, такимъ образомъ, были «крѣпки» только фабрикѣ, но не фабриканту. Фабрикантъ не имѣлъ права перепродавать ихъ въ одиночку, не имѣлъ онъ также возможности оставлять у себя крестьянъ въ случаѣ закрытія фабрики. Крестьяне тогда или отбирались въ казну, или переходили вмѣстѣ съ фабрикой къ другому владѣльцу. Фабрики, пользовавшіяся подобнаго рода принудительнымъ полукрѣпостнымъ трудомъ, извѣстны подъ названіемъ поссессіонныхъ. Кромѣ этихъ поссессіонныхъ фабрикъ существовали также и такъ называемыя вотчинныя фабрики съ принудительнымъ трудомъ другого рода. Къ вотчиннымъ слѣдуетъ причислить главнымъ образомъ фабрики, принадлежавшія дворянамъ. Дворяне, безотчетно владѣя крѣпостными, имѣли право примѣнять трудъ своихъ крѣпостныхъ людей къ любой отрасли по своему желанію. Начиная съ эпохи Екатерины II, составъ нашего

фабрикантскаго класса, благодаря измѣнившейся политикѣ правительства, началъ измѣняться и дворяне стали чуть ли не преобладающимъ элементомъ въ средѣ нашихъ фабрикантовъ. Вотчинная фабрика, до этого времени встрѣчавшаяся очень рѣдко, стала все болѣе и болѣе вытѣснять фабрику поссессіонную. Такъ, въ 1825 году на долю вотчинныхъ фабрикъ приходится 66,725 рабочихъ, а на долю поссессіонныхъ всего 29,328. Поссессіонная фабрика, бывшая раньше естественной и необходимой формой производства, въ XIX вѣкѣ стала мало-по-малу пережиткомъ. Съ одной стороны она вытѣснялась фабрикой вотчинной, а съ другой—фабриками, пользовавшимися трудомъ вольнонаемнымъ. Свободный трудъ, почти совершенно отсутствовавшій на первыхъ ступеняхъ развитія нашей крупной промышленности, въ концѣ XVIII вѣка въ особенности послѣ изданія закона, совершенно запрещавшаго фабрикантамъ-купцамъ прикупать крестьянъ, начинаетъ получать все болѣе доминирующее значеніе въ русской промышленности. Въ 1804 году количество вольнонаемныхъ рабочихъ составляло 48% всѣхъ рабочихъ, а въ 1825 году—54%.

Свободный трудъ рѣшительно преобладалъ въ новыхъ производствахъ, поставлявшихъ свои продукты на массу; трудъ крѣпостной господствовалъ въ старинныхъ отрасляхъ нашей промышленности, пользовавшихся особымъ покровительствомъ правительства. Къ послѣднимъ принадлежали главнымъ образомъ крупныя дворянскія фабрики, производство которыхъ шло почти исключительно на казенныя надобности. Сюда относятся фабрики суконныя, шерстяныя и писчебумажныя. При Петрѣ казенными поставщиками были поссессіонныя фабрики, но затѣмъ онѣ вынуждены были уступить свое мѣсто дворянскимъ вотчиннымъ фабрикамъ. Въ XIX вѣкѣ промышленность наша выбивается на совершенно новую дорогу, она удовлетворяетъ уже потребности не одной казны, но также и широкихъ слоевъ населенія. На первое мѣсто выдвигается хлопчатобумажная промышленность. Эти но-

вые промышленности, возникшія на совершенно новомъ основаніи — на появленіи внутренняго рынка въ лицѣ массоваго потребителя, — развивались уже при помощи труда свободнаго. Трудъ свободный, несмотря на чрезвычайно неблагопріятныя условія дореформенной эпохи, шагъ за шагомъ вытѣсняетъ трудъ принудительный. Побѣда свободнаго труда была исторически необходимой. Для дальнѣйшаго прогресса промышленности, для успѣшной конкурренціи съ кустарями необходимо было понизить цѣны на фабричныя издѣлія, а для этого другого выхода не было, какъ повысить производительность труда, улучшить технику; послѣднее же возможно только при свободномъ трудѣ. Далѣе въ первую половину XIX вѣка значительно увеличился, конечно сравнительно съ прежнимъ, контигентъ обученныхъ свободныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ самъ собою устранялся одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, побудившихъ Петра ввести трудъ принудительный—полное отсутствіе вольныхъ рабочихъ. Наконецъ, распространенію свободнаго труда много способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Въ первой половинѣ XIX столѣтія фабрикантскій классъ, состоявшій раньше изъ купцовъ и дворянъ, начинаетъ сильно пополняться совершенно новымъ элементомъ—крѣпостнымъ крестьяниномъ. Хлопчатобумажное производство, въ первый періодъ своего развитія въ Россіи, давало огромные барыши. Прибыль въ 500% была не рѣдкость. Центромъ этого производства сдѣлался Иваново-Вознесенскъ, въ особенности послѣ пожара 1812 года, когда выгорѣли всѣ хлопчатобумажныя фабрики Москвы. Больше всѣхъ выиграли отъ такого положенія вещей набойщики, изъ которыхъ многіе работали за свой собственный счетъ при помощи своей семьи. Набойщикъ безъ особаго труда могъ заработать до 100 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Съ такимъ заработкомъ въ короткое время сколачивалъ себѣ небольшой капиталецъ, при помощи котораго уже былъ въ состояніи открыть собственную небольшую фабрику. Именно такимъ образомъ и совершился въ это время

переходъ кустарей-набойщиковъ въ крупные фабриканты. Всѣ ивановскіе фабриканты (многіе изъ которыхъ были милліонерами) вышли изъ крестьянъ. Точно также въ костромской губерніи основатели всѣхъ бумаготкацкихъ фабрикъ были, за весьма небольшими исключеніями, помѣщичьи крестьяне, начавшіе дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній. Фабрикантъ крѣпостной является характерной особенностью разсматриваемой эпохи. Само собою понятно, что этимъ фабрикантамъ поневолѣ приходилось пользоваться трудомъ вольнонаемнымъ. Поссессіонная фабрика, основанная на трудѣ принудительномъ, не въ состояніи была конкуррировать съ новыми фабриками, основанными на трудѣ свободномъ. Вотчинная фабрика держалась долѣе, такъ какъ была поставлена въ болѣе благопріятныя условія: казна отдавала подряды исключительно дворянамъ. Такимъ способомъ вотчинная фабрика, являясь монопольной поставщицей правительства, избѣгала конкурренціи новыхъ фабрикъ. И если вотчинная фабрика, совершенно не прогрессируя въ техническомъ отношеніи, совсѣмъ не увеличивая производительности труда, могла еще влачить свое существованіе до 61-го года, то этимъ она обязана безпримѣрной эксплоатаціи рабочаго, безконтрольному владѣнію крѣпостными людьми, такъ какъ правительство не имѣло права вмѣшиваться въ дѣла помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, и искусственному огражденію путемъ монополіи отъ конкурренціи. Поссессіонная фабрика, силою вещей вынужденная выйти въ сферу свободной конкурренціи, такъ какъ за неимѣніемъ казенныхъ подрядовъ должна была направить свою дѣятельность на новый путь, на путь производства такихъ продуктовъ, которые отвѣчали уже потребностямъ народныхъ массъ, и столкнувшись здѣсь съ фабрикой вольной, потерпѣла впослѣдствіи полное пораженіе.

Поссессіонный фабрикантъ не могъ, подобно вотчинному, усиленной совершенно не знавшей границъ эксплоатаціей выжимать изъ рабочаго то, что на вольныхъ фаб-

рикахъ достигалось безъ всякаго принужденія. Поссессіонные рабочіе были не такъ безправны, какъ вотчинныя: правительство вынуждено было хоть нѣсколько регламентировать отношенія между поссессіонными рабочими и ихъ хозяевами фабрикантами. Содержаніе поссессіоннаго рабочаго обходилось много дороже, чѣмъ содержаніе вотчиннаго рабочаго. Въ то время, когда послѣдній не получалъ отъ своего хозяина-помѣщика никакой платы за трудъ, поссессіонный фабрикантъ обязанъ былъ платить своимъ рабочимъ. Плата эта въ дѣйствительности обезпечивала имъ самое нищенское существованіе, но, всетаки фабрикантъ долженъ былъ платить хоть что-нибудь. Вообще положеніе поссессіоннаго рабочаго было несравненно лучше вотчиннаго. Рабочій день на огромномъ большинствѣ фабрикъ продолжался 12 часовъ. Ночная работа, какъ общее правило, не практиковалась на поссессіонныхъ фабрикахъ. Рабочіе по большей части имѣли свои дома и сѣнокосы. Но самое главное преимущество поссессіоннаго рабочаго заключалось въ томъ, что фабрикантъ не являлся для него такимъ неограниченнымъ деспотомъ, полнымъ хозяиномъ его жизни и смерти, какъ то было на вотчинныхъ фабрикахъ. Законы, касающіеся отношеній поссессіонныхъ фабрикантовъ и рабочихъ, хотя несомнѣнно явно клонились къ защитѣ интересовъ первыхъ, тѣмъ не менѣе вынуждены бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ брать подъ свою защиту и рабочихъ. О дѣйствительныхъ причинахъ этой заботливости мы еще скажемъ ниже. Благодаря всему этому поссессіонный фабрикантъ далеко не могъ соперничать въ дѣлѣ эксплоатаціи рабочаго со своими вотчинными собратьями.

Поссессіонный рабочій совсѣмъ не походилъ по своему характеру и психологіи на вотчиннаго. Послѣдній отличался забитостью и раболѣпствомъ передъ хозяиномъ-помѣщикомъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Оторванный отъ сохи, еще полудикарь, привыкшій смотрѣть на барина-помѣщика, какъ на Богомъ поставленнаго хозяина своего, онъ переносилъ эти же взгляды и на

фабрику. Совершенно иная психологія поссессіоннаго рабочаго. Не являясь полной собственностью фабриканта, онъ чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе, чѣмъ крѣпостной вотчинный. Работа на фабрикѣ не была для него занятіемъ временнымъ, какъ то практиковалось у крѣпостниковъ-помѣщиковъ (крестьянинъ отрывался отъ земли на нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ вновь возвращался къ земледѣлію), вся жизнь поссессіоннаго рабочаго проходила на фабрикѣ, онъ уже являлся типичнымъ фабричнымъ рабочимъ, живя постоянно въ городѣ, онъ былъ много культурнѣе своего деревенскаго собрата; постоянная совмѣстная работа воспитывала въ немъ чувство солидарности и общности его интересовъ съ интересами другихъ рабочихъ; на многихъ поссессіонныхъ фабрикахъ рядомъ съ трудомъ принудительнымъ существовалъ трудъ вольнонаемный; эти вольные рабочіе оплачивались много лучше, жизнь ихъ была гораздо свободнѣе; такое близкое сосѣдство свободныхъ рабочихъ также не могло не отразиться на поссессіонномъ рабочемъ; онъ былъ всегда недоволенъ своимъ положеніемъ, онъ тяготился тѣмъ рабствомъ, которое тяжелымъ ярмомъ висѣло надъ его головой. И поссессіонный рабочій, несмотря на ужасныя наказанія, несмотря на всевозможныя мѣры пресѣченія (правительство совершенно не стѣснялось въ выборѣ средствъ для этой цѣли), неоднократно громко заявлялъ свое недовольство, предъявляя свои требованія не только фабрикантамъ, но и правительству. Волненія поссессіонныхъ рабочихъ представляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ соціальной исторіи Россіи первой половины XIX вѣка. Наиболѣе интересное и крупное волненіе произошло на большой Ярославской мануфактурѣ. Обращаютъ на себя также вниманіе волненіе на фабрикѣ Осокина и другія. Всѣхъ случаевъ волненій было до 30. Волненія рабочихъ выражались въ отказахъ становиться на работу, въ стачкахъ и подачахъ начальству петицій объ улучшеніи своего положенія и жалобъ на фабрикантовъ. Волненія на нѣкоторыхъ фабрикахъ становились

хроническимъ явленіемъ и нерѣдко продолжались съ перерывами по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Нельзя не указать на ту солидарность и единодушіе, которые обнаруживали рабочіе въ этихъ случаяхъ и которыхъ не могли сломить ни просьбы, ни страшныя наказанія начальства. Яркимъ примѣромъ тому могутъ служить волненія въ Ярославлѣ. Рабочіе со своими жалобами обращались даже къ царю, и никакія жестокія репрессіи не остановили ихъ въ своихъ стремленіяхъ. Начальство почти всегда становилось на сторону фабрикантовъ и никакихъ уступокъ рабочимъ не дѣлало. Главнымъ же результатомъ этихъ волненій обыкновенно бывало изданіе законовъ, увеличивающихъ кару за дѣйствія скопомъ.

Вообще лучшей характеристикой той позиціи, которую заняло наше правительство въ этомъ вопросѣ, является вся исторія дореформеннаго фабричнаго законодательства. Основной духъ всѣхъ нашихъ фабричныхъ законовъ—это прежде всего государственно-полицейскій характеръ ихъ. Далѣе, правительство, становясь изданіемъ фабричныхъ законовъ въ роли посредника между фабрикантами и рабочими, всегда становилось на сторону первыхъ. Тѣ законы, которыя дѣлаютъ незначительныя уступки рабочему классу, всегда являются результатомъ широкихъ волненій со стороны рабочихъ, слѣдовательно, вырываются почти силой. Но и эти незначительныя уступки обыкновенно остаются только на бумагѣ, а въ жизнь проводить ихъ особенныхъ стараній не замѣчается. Такова общая тенденція нашего фабричнаго законодательства. Въ дореформенную эпоху законовъ въ области регулированія отношеній между фабрикантами и рабочими въ сущности совершенно издано не было. Былъ рядъ попытокъ и проектовъ, но дальше этого дѣло не шло. Въ 1811 г. былъ составленъ проектъ «объ учрежденіи особаго состоянія свободныхъ мастеровъ». Проектъ былъ вызванъ настоятельной необходимостью въ свободныхъ рабочихъ. Въ 1832 году проектъ князя Голицына, вызванный неоднократными жалобами хозяевъ на самовольный побѣгъ ра-

бочихъ съ фабрикъ. Въ 1835 году—первый шагъ нашего правительства въ области фабричнаго законодательства. Закономъ 1835 года, вызванномъ обоюдными жалобами фабрикантовъ и рабочихъ, рабочій совершенно лишается права оставлять хозяина до истеченія срока договора даже въ томъ случаѣ, если хозяинъ отказывается исполнять взятыя на себя обязанности по отношенію къ рабочему, а хозяину предоставляется право во всякое время уволить рабочаго не только за неисполненіе обязанностей, но даже и за «дурное поведеніе». Опредѣлить же границу между дурнымъ и хорошимъ поведеніемъ предоставлялось вполнѣ на произволъ фабриканта. Отъ хозяина требуется, чтобы онъ имѣлъ разсчетную книгу, но выдача разсчетныхъ листовъ или заключеніе письменныхъ условій съ рабочими для него не обязательна. Вотъ главное содержаніе закона 1835 года. Онъ всецѣло защищаетъ интересы фабрикантовъ. Въ 1844 году въ огромной Вознесенской бумагопрядильнѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Москвы, произошли очень крупныя волненія рабочихъ, потребовавшія вмѣшательства вооруженной силы. Наряженное послѣ этихъ волненій правительственное разслѣдованіе обнаружило крайнее злоупотребленіе дѣтской работой на бумагопрядильнѣ. Результатомъ явился законъ 1845 года, запрещавшій ночную работу малолѣтнимъ въ возрастѣ до 12 лѣтъ. Судьба этого закона чрезвычайно странная. Онъ нигдѣ не былъ опубликованъ и никогда не соблюдался на практикѣ. Но въ томъ же 1845 году были изданы постановленія другого рода, имѣвшія уже черезъ-чуръ реальный характеръ. Это значительное усиленіе наказанія за рабочія волненія. Впервые у насъ были установлены особыя наказанія за стачки рабочихъ. Отмѣтимъ еще проектъ Закревскаго 1849 года, въ которомъ онъ сталъ въ явную оппозицію къ фабрикантамъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны мануфактурнаго совѣта, органа, представлявшаго интересы фабрикантовъ, и въ жизнь проведенъ не былъ. Вотъ и все наше дореформенное фабричное законодательство.

Такое отношеніе правительства къ рабочему могло дать только одинъ результатъ: рабочія волненія не прекращались и доставляли множество хлопотъ и безпокойства хозяевамъ. Производительность же труда поссессіоннаго рабочаго была ничтожна въ сравненіи съ производительностью труда вольнонаемнаго пока онъ чувствовалъ себя рабомъ, пока работа шла только изъ-подъ палки—все, что выходило изъ его рукъ, было самаго худшаго качества. Такимъ образомъ поссессіонный фабрикантъ, лишившись казенныхъ подрядовъ и вынужденный вслѣдствіе этого обратиться къ другимъ отраслямъ, гдѣ уже пришлось ему столкнуться съ конкуррентомъ—фабрикой, основанной исключительно на вольномъ трудѣ, изнемогалъ въ этой непосильной для него борьбѣ. Поссессіонный рабочій становится тормазомъ для фабриканта. Онъ является для хозяина совершенно лишней обузой, отъ которой фабрикантъ старается всѣми силами освободиться. Дѣло въ томъ, что поссессіонный рабочій находился на совершенно особомъ положеніи: несмотря на всю его непригодность въ новыхъ производствахъ, фабрикантъ не имѣлъ права прогнать его съ фабрики и обязанъ былъ кормить его, даже если рабочій совершенно отстранялся отъ работы. Въ министерство отъ фабрикантовъ начинаютъ поступать петиціи и ходатайства, указывающія на необходимость освободить поссессіонныхъ рабочихъ. Дальнѣйшее владѣніе ими было совершенно невыгодно самимъ фабрикантамъ и въ ихъ собственныхъ интересахъ было перейти къ труду свободному. Правительство отнеслось чрезвычайно благосклонно къ этимъ ходатайствамъ. Закономъ 1824 года и въ особенности 1840 года, поссессіонныхъ рабочихъ позволено отпускать на волю. Закономъ 1840 года воспользовались 42 фабрики: 16—вслѣдствіе того, что производство на нихъ прекратилось совершенно, а 26—нашли для себя болѣе выгоднымъ продолжать производство при помощи труда вольнонаемнаго. Многіе рабочіе не могли быть отпущены на волю на основаніи закона 1840 года только благодаря

той канцелярской волокитѣ, которая господствовала во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ, и дѣла объ ихъ освобожденіи затянулись до общей крестьянской реформы 1861 года.

* * *

Въ 1861 году, годъ освобожденія крестьянъ, былъ окончательно ликвидированъ также и крѣпостной трудъ въ промышленности. Несмотря на то, что освобожденіе крѣпостного рабочаго началось, какъ мы уже видѣли, задолго до 19 февраля, 1861 годъ тѣмъ не менѣе не могъ не вызвать временнаго затишья въ нѣкоторыхъ отрасляхъ нашего производства. Причиной затишья являлось не сокращеніе спроса, а исключительно необходимость въ короткій срокъ перейти къ совершенно новому способу производства и поэтому особенно тяжело кризисъ далъ себя знать на вотчинныхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ крѣпостной трудъ процвѣталъ вплоть до 1861 года, а свободный почти совершенно отсутствовалъ. Дворянскія суконныя фабрики, а также чугунные заводы вынуждены были въ первые годы послѣ реформы нѣсколько сократить свое производство. Рабочіе крѣпостные, для которыхъ вотчинная фабрика была адомъ, послѣ освобожденія спѣшили бросить столь ненавистную имъ работу и переселялись въ другія губерніи цѣлыми фабриками, а замѣнить ихъ тотчасъ вольными не было никакой возможности. Это отсутствіе рабочихъ и вызвало сокращеніе производства. Такъ, 1860 по 1868 годъ производство чугуна (эта отрасль, какъ уже было указано, пользовалась крѣпостнымъ трудомъ въ особенно широкихъ размѣрахъ) сократилось на 14%. На другія отрасли промышленности, гдѣ свободный трудъ примѣнялся довольно широко и до 1861 года, освобожденіе крѣпостныхъ рабочихъ почти не имѣло никакого вліянія. Тяжелый кризисъ хлопчатобумажнаго производства первой половины 60 годовъ произошелъ не изъ-за крестьянской реформы. Кризисъ этотъ былъ международнымъ, и вызванъ онъ былъ огромнымъ сокращеніемъ подвоза хлопка, вслѣдствіе междоусобной амери-

канской войны. Послѣ заминки, наступившей въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, которыя явились переломомъ въ дѣлѣ развитія нашего производства, русская промышленность быстрыми шагами пошла впередъ. Вся исторія фабрики, начиная съ 1861 года и вплоть до нашего времени, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ вопросѣ о томъ, въ какой періодъ вступила промышленная жизнь Россіи.

Въ дореформенную эпоху господствующей формой производства являлась мануфактура. Крупное машинное производство, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть высшую ступень капитализма въ промышленности, начинаетъ быстро завоевывать господствующее положеніе, начиная съ 61 года. «Основной и наиболѣе существенный признакъ этой стадіи состоитъ въ употребленіи для производства системы машинъ. Переходъ отъ мануфактуры къ фабрикѣ знаменуетъ полный техническій переворотъ, ниспровергающій вѣками нажитое ручное искусство мастера, а за этимъ техническимъ переворотомъ неизбѣжно идетъ самая крутая ломка общественныхъ отношеній производства, окончательный расколъ между различными группами участвующихъ въ производствѣ лицъ, полный разрывъ съ традиціей, обостреніе и расширеніе всѣхъ мрачныхъ сторонъ капитализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и массовое обобществленіе труда капитализмомъ. Крупная машинная индустрія является такимъ образомъ послѣднимъ словомъ капитализма, послѣднимъ словомъ его отрицательныхъ и положительныхъ моментовъ» *). Это мѣсто изъ Капитала Маркса, какъ нельзя лучше характеризуетъ ту эволюцію, которую пережила Россія послѣ реформы 61 года.

Русская промышленность освободившись наконецъ отъ дореформенныхъ условій, въ которыхъ она столько времени задыхалась, быстро и увѣренно пошла впередъ не только количественно, но и качественно: наше производ-

*) Капиталъ 1, гл. 13; тамъ же, I[2], стр. 499. Цитировано по «Развитіе капитализма въ Россіи» Ильина стр. 358.

ство носитъ въ настоящее время вполнѣ капиталистическій характеръ. Капиталъ сталъ владыкой Руси. Его сила и вліяніе проникаютъ во всѣ уголки народнаго хозяйства. Капитализмъ со всѣми его противорѣчіями отражается на всей политической и общественной жизни страны. Развитіе капитализма совершенно перетасовало старыя дореформенныя сословія; на поверхность были выдвинуты новыя общественныя силы, новые классы, являющіеся въ настоящее время единственными вершителями судебъ Россіи, и старыя господствовавшія сословія, обреченныя на паразитное существованіе, съ каждымъ днемъ все больше приближаются къ окончательному вырожденію. Общество рѣзко раскололось на два противоположныхъ элемента: классъ эксплоататоровъ съ одной стороны, и классъ эксплоатируемыхъ съ другой. Борьба этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу силъ опредѣляетъ направленіе всей нашей государственной и общественной жизни. По мѣрѣ развитія капитализма эта борьба растетъ и вглубь и вширь, захватывая все новые элементы, новые нетронутые до сихъ поръ слои населенія. Деревня также утратила свой однообразный сѣрый колоритъ дореформенной эпохи, и въ ней рѣзко обозначились два теченія—пролетарское и буржуазное, идущія по противоположнымъ направленіямъ. Капитализмъ такимъ образомъ совершенно измѣнилъ общественную и политическую физіономію Россіи. Обратимся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію этой эволюціи. Начнемъ съ количественныхъ успѣховъ нашей промышленности.

Какъ расширилось наше производство, начиная съ 60 г. до начала 20 вѣка, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Количество иностраннаго и среднеазіатскаго хлопка, поступившаго на внутренній рынокъ Россіи (кромѣ Финляндіи) увеличилось почти въ 6 разъ (съ 2.840,000 пудовъ до 16.803,000 пудовъ); количество чугуна выплавляемаго въ Россіи увеличилось болѣе чѣмъ въ 8 разъ (съ 20.468.000 пуд. до 165.156,000 пуд. въ 1899 году); число рабочихъ утроилось (съ 328.000 до 1.124,000 въ

1898 году); число фабрикъ въ пореформенную эпоху также сильно увеличилось. Такъ какъ намъ нужно иллюстрировать развитіе крупной машинной индустріи, то нельзя было бы приводить здѣсь данныя о заведеніяхъ, въ число которыхъ вошли разныя мелкія предпріятія. Возьмемъ критеріемъ наличность числа рабочихъ въ заведеніи не менѣе 16, и тогда мы увидимъ, что такихъ промышленныхъ заведеній въ Европейской Россіи въ 1816 г. было maximum 2½—3 тысячи, въ 1879 г. ихъ было около 4½ тысячъ, въ 1390 г. около 6 тысячъ, и въ 189⁴/₅ г. около 6.400 *). Количество фабрикъ слѣдовательно болѣе чѣмъ удвоилось. Это къ 95 году, за послѣдніе же годы, когда ростъ нашей промышленности былъ особенно силенъ, число ихъ вѣроятно возросло до гораздо большей цифры.

Знаменательнымъ является фактъ, что, на ряду съ быстрымъ ростомъ нашей промышленности и торговли, цѣнность привозныхъ товаровъ на нижегородскую ярмарку за послѣдніе годы значительно уменьшается. До 1884 привозъ товаровъ на ярмарку увеличивался, а послѣ этого года онъ начинаетъ правильно падать. Что это значитъ? А то, что архаическая форма торговли ярмарка сходитъ со сцены. Паденіе ярмарочной торговли за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка служитъ однимъ изъ выдающихся симптомовъ быстраго экономическаго роста Россіи. Ярмарка, игравшая прежде столь важную роль во всей нашей промышленной и торговой жизни, отмираетъ, вмѣстѣ съ ней отмираютъ и наши старыя бытовыя экономическія формы—«самостоятельный кустарь, община и т. д. Всѣ эти формы гибнутъ отъ одной основной причины: преобразованія условій транспорта и обмѣна и вытекающаго отсюда развитія промышленнаго капитализма.

Данныя о ростѣ нашей фабричной промышленности, приведенныя выше, характеризуютъ лишь внѣшнюю сторону этого развитія. Одно количественное увеличеніе числа рабочихъ и фабрикъ еще далеко не является убѣ-

---

*) Ильинъ. Развитіе капиталовъ въ Россіи стр. 370.

дительнымъ доказательствомъ развитія «капитализма» у насъ. Капиталистическій періодъ характеризуется цѣлымъ рядомъ противорѣчій, являющихся необходимыми его спутниками. Законы капиталистическаго развитія на всемъ земномъ шарѣ одни и тѣже (они, конечно, до извѣстной степени преломляются черезъ призму различныхъ особенностей данной страны, но дѣло здѣсь объ общемъ направленіи, а не о частностяхъ). Кризисы, увеличеніе резервной арміи, ростъ пролетаріата, вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, концентрація капиталовъ и фабрикъ—является законными и необходимыми дѣтищами капиталистическаго развитія. Исторія русской промышленности за послѣдніе 40 лѣтъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что всѣ эти характерныя явленія основательно привились и на нашей отечественной нивѣ.

Страны, идущія полнымъ капиталистическимъ шагомъ, какъ извѣстно, страдаютъ неизлѣчимой хронической болѣзнью, которая называется кризисомъ. Болѣзнь эта, появляясь черезъ правильные промежутки, распространяется по всему промышленному и торговому организму страны и быстро заражаетъ всѣ члены его. Анархія капиталистическаго производства всего сильнѣе сказывается въ періодъ кризисовъ, когда страна задыхается отъ избытка произведенныхъ продуктовъ. Чѣмъ кризисъ сильнѣе, чѣмъ большій кругъ предпріятій и производствъ охватываетъ онъ, тѣмъ слѣдовательно сила капитализма значительнѣй и вліятельнѣй. Достигла ли промышленная жизнь Россіи этого періода? Несомнѣнно достигла. За періодъ отъ 60 г. до 1900 можно отмѣтить рядъ годовъ, когда наша промышленность приходила въ сильнѣйшій упадокъ, число фабрикъ, количество подвозимаго хлопка, финансовыя дѣла и пр.—все это значительно сокращалось и уменьшалось. За этими годами упадка обыкновенно слѣдовали годы быстраго лихорадочнаго роста всѣхъ отраслей промышленности и торговли. Достигнувъ кульминаціонной точки подъемъ останавливается, затѣмъ снова начинается упадокъ. И все это повторялось черезъ правильные про-

межутки времени. Обычная картина кризисовъ. И наши россійскіе кризисы ни въ чемъ не уступаютъ западно-европейскимъ. Кризисы не отражались у насъ на какой нибудь отдѣльной отрасли, нѣтъ, они захватывали, они потрясали до основанія всю промышленную и финансовую жизнь страны.

Перепроизводство и кризисъ въ одной отрасли не можетъ пройти безслѣдно и въ другихъ отрасляхъ, въ которыхъ капиталъ также является единственнымъ всемогущимъ властелиномъ. Кризисы наши имѣли тѣсную связь съ кризисами общеміровыми. Время тѣхъ и другихъ обыкновенно совпадало. Приблизительно черезъ каждыя 10 лѣтъ кризисы волной проносятся по всему міру. Усиленная финансовая и промышленная горячка, перепроизводство, затѣмъ банкротство, крахи, полный застой промышленности—каждыя 10 лѣтъ правильно чередовались въ Западной Европѣ. Россія, съ 61 года вступивъ на путь капиталистическаго развитія, оказалась захваченной въ водоворотъ общеміровой промышленности. Россія движется въ настоящее время по тому же заколдованному кругу, по которому безъ всякой надежды выбраться, движется промышленная и финансовая жизнь всего капиталистическаго міра. Каждый міровой кризисъ вызывалъ подобное же явленіе и при томъ въ очень острой формѣ и у насъ. Начало 70-хъ годовъ было эпохой самой безумной учредительной горячки въ Западной Европѣ. За этой горячкой послѣдовалъ знаменитый вѣнскій биржевой крахъ въ маѣ 1871 г., охватившій затѣмъ всю Европу и Соединенные Штаты. И у насъ въ 1870—72 г. замѣчался значительный ростъ производства, а затѣмъ послѣдовали кризисы и банкротства торговопромышленныхъ предпріятій. Конецъ 70-хъ годовъ и начало 80-хъ отличаются усиленнымъ промышленнымъ развитіемъ, увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ и спекуляцій въ Россіи. Тоже наблюдается въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Франціи, Германіи. Вторая половина 80-хъ годовъ была эпохой застоя для всего промышленнаго міра. Кризисъ

захватилъ и русскую промышленность. Застой продолжался у насъ до 87 г., охвативъ громадный раіонъ и почти все наше производство.

Новая эпоха промышленнаго оживленія началась съ 1887 года. Въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдуетъ заминка, соотвѣтствующая міровому застою начала 90-хъ годовъ. Съ 1895—96 года во всемъ капиталистическомъ мірѣ начинается небывалый подъемъ. То же наблюдается и въ Россіи. Развитіе нашей промышленности за десятилѣтіе, кончая 1902 годомъ, является лучшимъ показателемъ быстраго роста производительныхъ силъ Россіи. Вотъ нѣкоторыя данныя, характеризующія этотъ ростъ.

Акціонерныя компаніи, являющіяся чистымъ продуктомъ капитализма, въ теченіе десятилѣтія отъ 1890 до 1900 увеличились особенно быстро. Число вновь основанныхъ акціонерныхъ компаній возросло съ 63 въ 1894 съ капиталомъ въ 54.600,000 руб. до 327 съ капиталомъ въ 358.400,000 руб. въ 1899 г. *) Число акціонерныхъ компаній по обработкѣ волокнистыхъ веществъ съ 104 съ основными капиталами въ 144.500,000 руб. въ 1885 году возросло къ 1 января 1902 года до 240 съ капиталомъ въ 402.600,000 руб. Особенно замѣчателенъ ростъ предпріятій по добычѣ и обработкѣ металловъ. Въ 1890 году въ этой группѣ было 67 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 132,7 милліона рублей, а въ 1901 г. число ихъ возросло до 366 съ капиталомъ большимъ въ 5—6 разъ, чѣмъ въ 1890 г.

Ростъ горной промышленности представляется особенно важнымъ. Онъ иллюстрируетъ теоретическое положеніе, что въ развитіи капиталистическаго общества особенно быстро возрастаютъ тѣ отрасли промышленности, которыя изготовляютъ средства производства, такъ что лучшимъ показателемъ развитія капитализма въ данной странѣ является состояніе желѣзной промышленности. Желѣзная промышленность во всѣхъ странахъ начинаетъ

*) Очеркъ реалист. міровозр. Статья Финна стр. 374.

занимать въ настоящее время первенствующее значеніе. Такой же характеръ носитъ и эволюція русской промышленности въ настоящее время. Желѣзная промышленность выдвигается на первое мѣсто, а текстильная, игравшая столь важную роль раньше, отодвигается все больше на второй планъ. Желѣзодѣлательное производство начинаетъ быстро расти еще со второй половины 80-хъ годовъ. Центромъ этого производства является теперь не Уралъ, а югъ Россіи, главнымъ образомъ Донецкій бассейнъ. Постройка донецкой желѣзнодорожной сѣти и въ особенности Екатерининской дороги послужили однимъ изъ главныхъ факторовъ развитія донецкой горнозаводской промышленности. До 1887 г. на югѣ Россіи работали всего два завода. Въ 1899 г. на югѣ уже было 17 большихъ чугунноплавильныхъ заводовъ и 29 дѣйствующихъ доменными печами съ 12 вновь строющимися. Всѣ эти заводы работали главнымъ образомъ по казеннымъ заказамъ и при томъ преимущественно желѣзнодорожный матеріалъ. Вокругъ нихъ быстро появились болѣе мелкіе заводы, перерабатывавшіе желѣзо въ разныя издѣлія. Такихъ заводовъ насчитывалось въ 1895 году не менѣе 100. Выплавка чугуна, достигавшая въ 1893 году 68,8 милліоновъ пудовъ достигла въ 1900 году 177,5 милліоновъ. Производство желѣза и стали съ 57,5 милліоновъ пудовъ въ 1893 году поднялось до 129 мил. пудовъ въ 1901 г. *).

Особенно выпуклымъ является ростъ этихъ продуктовъ въ Россіи, если мы сравнимъ его съ ростомъ тѣхъ же производствъ въ государствахъ Западной Европы. Въ 1890 году Россія занимала по выплавкѣ чугуна шестое мѣсто, а въ 1902 г. четвертое. То же самое по производству стали. Въ общемъ выплавка чугуна за періодъ 1890—1900 гг. увеличилась въ Россіи на 220%, въ то время, какъ въ другихъ странахъ она возрасла на 58%, 61%, достигнувъ maximum'а въ Соединенныхъ Штатахъ— 78%. Число рабочихъ на однихъ доменныхъ заводахъ

*) Очерки Реал. міровозрѣн. статья Финна, стр. 376.

южнаго раіона увеличилось болѣе чѣмъ въ 4 раза (въ 1890 г. около 11.000, въ 1899 г. болѣе 45.000 *).

Согласно докладу, сдѣланному на петербургскомъ желѣзномъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1903 г., число занятыхъ въ желѣзной промышленности рабочихъ будетъ не менѣе 700.000. Итакъ, желѣзное производство сдѣлало колоссальные успѣхи въ теченіе самого короткаго времени. Въ тѣсной связи съ этими успѣхами стоитъ ростъ желѣзныхъ дорогъ, машинъ и вообще орудій производства.

Развитіе капитализма непремѣнно влечетъ увеличеніе производительности труда рабочаго, замѣняя все больше трудъ живой трудомъ машиннымъ, обращая рабочаго въ простой придатокъ къ машинѣ. Въ Западной Европѣ техника достигла высокой степени совершенства. Пары, электричество сдѣлали послушными орудіями въ рукахъ человѣка тѣ самыя силы природы, которыя въ былое время казались ему могущественными и непобѣдимыми стихіями и которымъ онъ въ благоговѣйномъ ужасѣ поклонялся, какъ своимъ повелителямъ богамъ. У насъ столь же быстрому развитію техники препятствуютъ множество своеобразныхъ условій, въ которыя поставлена русская промышленность. Пользуясь той позиціей, которую заняло бюрократическое правительство въ отношеніяхъ между предпринимателями съ одной стороны, рабочими и потребителями съ другой, наши фабриканты, защищенные отъ иностранной конкурренціи высокой стѣной пошлинъ, и отъ требованій рабочихъ—стѣной правительственныхъ штыковъ и нагаекъ, не спѣшатъ улучшить свое производство и вводить новыя усовершенствованныя орудія. Низкая заработная плата даетъ имъ возможность выколачивать болѣе чѣмъ достаточно прибавочной стоимости и при теперешнемъ состояніи техники. Тѣмъ не менѣе данныя о паровыхъ машинахъ, приводимыя Ильинымъ, указываютъ на несомнѣнно быстрое увеличеніе паровыхъ двигателей и у насъ. Въ 1878 году на фабрикахъ и за-

*) Тамъ же, стр. 377.

водахъ всей Россіи было 14.863 паровыхъ котловъ и машинъ и въ нихъ лошадиныхъ силъ 114.987. Въ 1892 г. число паровыхъ машинъ и котловъ уже достигло 27.333, содержащихъ 345.209 лошадиныхъ силъ *). Въ первомъ случаѣ увеличеніе почти вдвое, а во второмъ больше чѣмъ втрое. (Съ 1892 года примѣненіе машинъ несомнѣнно пошло гораздо дальше). Эти данныя служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что наша фабричная промышленность становится на вполнѣ капиталистическую ногу, что мануфактура отжила свой вѣкъ, и ей на смѣну и у насъ идетъ царство машинъ, пара и электричества.

Головокружительно растетъ и наша желѣзнодорожная сѣть, что послужило главнѣйшей причиной указаннаго развитія желѣзной промышленности. Количество вновь проложенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ верстахъ за 1899 г. въ 48 разъ превышаетъ количество проложенныхъ дорогъ въ 1891 г. (4692—и 118 верстъ). За 7 лѣтъ до 1899 г. наша желѣзнодорожная сѣть увеличилась почти вдвое. Еще недавно русская желѣзнодорожная сѣть уступала французской и англійской, уже не говоря объ американской и нѣмецкой. Теперь она уступаетъ только американской. Въ 1892 году длина русской желѣзнодорожной сѣти равнялась 54.075 верстамъ **). Число паровозовъ за 1892—1901 гг. возросла на 6.660—93%; число пассажирскихъ вагоновъ на 9.446 или на 119% и товарныхъ на 176.402—118% ***).

Измѣненіе условій транспорта вызвало усиленный ростъ и другихъ отраслей промышленности. Быстро развивается нефтяное производство, сбывающее значительную часть своихъ продуктовъ на міровой рынокъ. Жизнь, такимъ образомъ, сама опровергла народническую теорію совершенной недоступности для нашей промышленности иностранныхъ рынковъ. Съ 1889 по 1901 г. число неф-

*) Ильинъ, Разв. кап. въ Россіи, стр. 400.
**) Очерки реал. міров. Статья Финна, стр. 372.
***) Тамъ же

тяныхъ фабрикъ, работавшихъ въ бакинскомъ раіонѣ возросло съ 61 до 171, въ томъ числѣ крупныя съ 15 до 42. Въ 1893 году полезная добыча нефти = 325 милліонамъ пудовъ, а въ 1902 году—636,5 милліоновъ пудовъ. Вывозъ нефтяныхъ продуктовъ заграницу за этотъ промежутокъ увеличился въ полтора раза, достигнувъ въ 1902 году 92,4 милліоновъ пудовъ. Какой крупнокапиталистическій характеръ носитъ нефтяная промышленность можно судить по тому, что въ 1901 году половина всей добычи приходится на долю шести фирмъ, т. е. на 1/28 часть общаго ихъ числа ***).

Обратимся къ текстильной промышленности, игравшей столь видную роль въ дореформенную эпоху, а теперь уступившей пальму первенства желѣзной. Расширеніе фабрикъ и устройство новыхъ, продолжалось до послѣдняго времени. За промежутокъ 1895—1900 г. число веретенъ увеличилось на 27%, а число ткацкихъ станковъ на 30% (въ 1900 г. достигло цифры 148 милліоновъ).

Но обработка хлопка не двигалась въ унисонъ съ развитіемъ техническихъ средствъ. Она увеличилась всего на 12% (отъ 1893 до 1900 г.). Причина этого заключается въ слѣдующемъ. Главнѣйшимъ потребителемъ продуктовъ текстильной промышленности является деревенскій обыватель, а покупательная сила сельскаго населенія понизилась за послѣднее время на цѣлый милліардъ рублей вслѣдствіе неурожаевъ 1897—1902 г. Сильно тормазитъ развитіе текстильнаго производства и непомѣрно высокія пошлины, существующія даже для сырого матеріала, для хлопка. Промышленники, наконецъ, сами убѣдились въ этомъ, и уже неоднократно ходатайствовали передъ министерствомъ финансовъ о пониженіи пошлинъ на хлопокъ, указывая на это, какъ на необходимое условіе дальнѣйшаго развитія текстильной индустріи.

Таковы успѣхи главнѣйшихъ отраслей нашей промышленности къ началу XX вѣка. Быстро идутъ впередъ и

***) Тамъ же, стр. 380.

другія отрасли: спичечное, сахарное, водочное, лѣсное, мукомольное и другія. За періодъ 1887 по 1897 г. число всѣхъ фабрикъ увеличилось на 27%, больше чѣмъ на 8000. Цѣнность вырабатываемыхъ продуктовъ увеличилась больше чѣмъ вдвое: въ 1897 году она достигла 2.839.144.000 руб. Число рабочихъ возросло больше чѣмъ на 64%: въ 97 г. = 2.098,262. И это по оффиціальнымъ даннымъ, составленнымъ чрезвычайно поверхностно и невнимательно. На самомъ же дѣлѣ есть основанія считать цифру рабочихъ сильно уменьшенной.

Подъемъ и развитіе нашей промышленности за послѣдній періодъ привлекли въ Россію массу иностранныхъ капиталовъ. Въ 1897 году только въ металургической и каменноугольной промышленности иностранные капиталы достигали свыше 167 милліоновъ рублей. Къ 1 января 1899 года основной капиталъ однихъ бельгійскихъ обществъ достигъ 340 милліоновъ руб.

Такой непомѣрно быстрый ростъ финансовой и промышленной жизни страны, какъ и слѣдовало ожидать, завершился кризисомъ. Уже въ 1896 году на биржѣ стала чувствоваться реакція. А зимой 1899—1900 г. кризисъ охватилъ всю Россію. За биржевымъ крахомъ начался застой въ торговлѣ, банкротство, безработица. Цѣны значительно упали. Вся картина развитія русской промышленности за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Россія, какъ страна вполнѣ капиталистическая, втянута въ круговоротъ міроваго промышленнаго развитія. Она составляетъ часть огромнаго цѣлаго, и законы цѣлаго управляютъ и этой частью. Чему же мы обязаны такимъ быстрымъ развитіемъ нашей капиталистической промышленности? Несомнѣнно, что одной покровительственной таможенной системой объяснить этого нельзя. Протекціонизмъ далеко не всегда достигаетъ своихъ цѣлей. Мы уже видѣли, что желѣзодѣлательная промышленность дореформенной эпохи принадлежала къ наиболѣе покровит. и опекаемымъ нашимъ правительствомъ отраслямъ производства.

Несмотря, однако, на такую безпримѣрную заботливость желѣзное производство въ дореформенную эпоху не только не шло впередъ, а наоборотъ регрессировало. Тарифами 1857 и 1868 года правительство наше свернуло въ своей таможенной политикѣ нѣсколько въ другую сторону. Былъ разрѣшенъ безпошлинный ввозъ въ Россію рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Это способствовало быстрому увеличенію ж. д. сѣти, въ чемъ въ свою очередь и заключается главнѣйшая причина развитія нашей промышленности. Доказательствомъ того, что новѣйшій промышленный подъемъ вызванъ не только таможенными перемѣнами является его общій характеръ.

Бумаготкацкая промышленность отъ нихъ нисколько не выиграла, такъ какъ и до этихъ перемѣнъ пошлины на большинство хлопчатобумажныхъ тканей имѣли почти запретительный характеръ. Извѣстно, что коренной недостатокъ протекціонизма заключается въ томъ, что «поощряя» одну отрасль промышленности, онъ задерживаетъ развитіе другихъ.

Главнѣйшую причину роста нашей промышленности нужно искать въ коренномъ измѣненіи условій транспорта, подъ вліяніемъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ. Всякая новая желѣзнодорожная линія есть новый обширный рынокъ, открывшійся для промышленности. Въ особенности огромное значеніе желѣзныя дороги имѣютъ у насъ въ Россіи, такъ какъ наше капиталистическое производство растетъ въ средѣ натуральнаго хозяйства. Вслѣдствіе этого расширеніе рынка для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности является особенно быстрымъ. Выяснимъ это на слѣдующемъ примѣрѣ.

Предположимъ, что суконное производство имѣетъ капиталистическій характеръ, и продукты его предназначены только для сбыта, только для продажи, въ то время, какъ въ земледѣліи преобладаетъ натуральное производство. Въ этомъ случаѣ ростъ суконной промышленности даже не требуетъ соотвѣтственнаго роста въ изготовленіи зем-

ледѣльческихъ продуктовъ, что является непремѣннымъ условіемъ въ странахъ, гдѣ земледѣліе также носитъ вполнѣ капиталистическій характеръ. Для того, чтобы расширить рынокъ для сбыта сукна у насъ необходимо только чтобы земледѣлецъ сталъ обмѣнивать на сукно еще часть своего хлѣба, которую онъ раньше потреблялъ въ собственномъ хозяйствѣ. А это можетъ произойти по разнымъ причинамъ, напр., вслѣдствіе упадка домашнихъ промысловъ, доставлявшихъ раньше крестьянину предметы одежды. Рынокъ для сукна будетъ возрастать только вслѣдствіе того, что все больше земледѣльческихъ продуктовъ будетъ вовлекаться въ обмѣнъ, хотя общая сумма производства земледѣльческихъ продуктовъ будетъ не только не увеличиваться, но даже падать. Это обстоятельство и составляетъ одно изъ основныхъ преимуществъ капиталистической промышленности въ молодыхъ странахъ съ преобладаніемъ натуральнаго хозяйства Именно въ этомъ и лежитъ ключъ къ пониманію того перемѣщенія капиталовъ изъ старыхъ странъ въ новыя, которое является такимъ могучимъ факторомъ распространенія капиталистическаго производства по всему земному шару. Характерной особенностью является та высокая норма прибыли, которая господствуетъ въ Россіи.

Барыши нѣкоторыхъ предпріятій достигали 100% какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ металлургическимъ заводамъ Донецкаго бассейна, а 20% прибыли не представляютъ ничего исключительнаго для акціонерныхъ предпріятій. Эти огромные барыши привлекаютъ въ Россію массу иностранныхъ капиталовъ. Приливъ иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпріимчивости явился сильнымъ толчкомъ для нашего промышленнаго развитія въ послѣднее время. Даже хлопчато-бумажное производство, ставшее уже теперь вполнѣ «національнымъ», еще очень недавно находилось подъ огромнымъ вліяніемъ иностранцевъ. Такъ, контора Кноппъ, принадлежавшая иностранцу, играла совершенно исключительную роль въ нашемъ мануфактурномъ мірѣ въ теченіе нѣ-

скольких десятилѣтій. Контора Кноппъ была долгое время почти единственнымъ посредникомъ по пріобрѣтенію изъ Англіи хлопчато-бумажно-прядильно-ткацкихъ машинъ, и на этомъ основывалось ея значеніе. Почти всѣ хлопчато-бумажныя фабрики центральнаго промышленнаго раіона были выстроены конторою Кноппъ, владѣлецъ которой сдѣлался важнѣйшимъ акціонеромъ цѣлаго ряда фабрикъ. Кромѣ участія въ качествѣ пайщика во многихъ фабрикахъ, фирма Кноппъ имѣетъ свои собственныя предпріятія, въ томъ числѣ первую въ Россіи по технической высотѣ и размѣрамъ производства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. Кренгольмская мануфактура величайшая въ свѣтѣ. Она имѣетъ болѣе 400.000 веретенъ и представляетъ собой «уголокъ Англіи на русской почвѣ». Металлургическое производство является самымъ новымъ продуктомъ нашего капитализма. Безъ помощи иностранныхъ капиталовъ русскимъ минеральнымъ богатствамъ долго пришлось бы покоиться подъ черноземными полями приднѣпровскаго и донецкаго края. И еще до сихъ поръ иностранцы полновластно царятъ въ этой области.

Законы капиталистическаго развитія одинаковы для всѣхъ странъ. И молодая капиталистическая промышленность Россіи вполнѣ подтверждаетъ это положеніе, несмотря на сравнительно короткое время, въ теченіе котораго развивается у насъ капитализмъ. Всѣ главнѣйшіе слѣдствія этого развитія уже на лицо. Концентрація капиталовъ и производства явленіе общее всѣмъ капиталистическимъ странамъ. Есть очень вѣскія данныя, говорящія за то, что и въ нашемъ производствѣ началась уже эта концентрація, т. е. сосредоточеніе средствъ производства у все меньшаго количества лицъ, владѣющихъ крупнѣйшими предпріятіями. Начнемъ съ хлопчато-бумажной промышленности. Число рабочихъ, занятыхъ на крупныхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ возросло за 28 лѣтъ (1866—1894 г.) въ 3 раза, а число самихъ фабрикъ увеличилось менѣе, чѣмъ на 50%. При этомъ число

наиболѣе крупныхъ фабрикъ (отъ 100 до 500 рабочихъ) нѣсколько сократилось, а сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ немного возросла. Болѣе значителенъ ростъ фабрикъ съ 500—1000 рабочихъ. Число ихъ и сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ возросла больше, чѣмъ въ полтора раза. Крупныя фабрики отъ 1 до 5 тысячъ рабочихъ по своему числу болѣе чѣмъ удвоились, а по количеству рабочихъ почти утроились. Наконецъ, огромныхъ фабрикъ съ 5 тысячами рабочихъ и болѣе въ 1866 году совсѣмъ не было, въ 1879 году такая фабрика была только одна, а въ 1894 г. ихъ было уже восемь. Количество рабочихъ на самыхъ крупныхъ фабрикахъ увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ. Концентрація производства шла настолько энергично и быстро, что въ 1894 году на шестидесяти восьми крупныхъ фабрикахъ было почти втрое больше рабочихъ, чѣмъ на 156 остальныхъ. Та же концентрація наблюдается въ каменно-угольной промышленности юга Россіи. За 13 лѣтъ (1882—1894) добыча угля на крупныхъ копяхъ возросла въ 7 разъ, а мелкія копи за этотъ промежутокъ стали поставлять меньше на 7% всей годовой добычи угля (10% противъ 17). Въ 1890 году крупныя фабрики составляли уже 6,7% всѣхъ фабрикъ и заводовъ, а рабочихъ на ихъ долю приходилось 71% всѣхъ фабричныхъ заводскихъ рабочихъ. Сумма производства этихъ крупныхъ фабрикъ = 50% общей суммы производства. Въ нефтяной промышленности половина всей добычи нефти находится въ рукахъ шести фирмъ, которыя составляютъ 1/28 часть общаго числа предпріятій. Концентрація наблюдается не въ однихъ только главнѣйшихъ отрасляхъ нашей промышленности. Превосходство крупнаго производства съ его большей производительностью труда, съ его большей устойчивостью въ различныхъ перепетіяхъ мірового рынка сказывается всюду.

* *
*

Такое измѣненіе экономическаго фундамента не могло не отразиться на соотношеніи общественныхъ силъ и классовъ русскаго государства. Дореформенное дѣленіе

на сословія, имѣвшее смыслъ при тѣхъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя господствовали въ Россіи до 1861 г., оказалось совершенно непригоднымъ для новаго экономическаго базиса—для капитала. Капиталъ совершенно перетасовалъ эти старыя дореформенныя сословія, не щадя ни крестьянъ, ни дворянъ, ни мѣщанъ. Онъ провелъ рѣзкую борозду по нашей отечественной нивѣ: по правую сторону оказались немногочисленные счастливцы, успѣвшіе пожать новые всходы, по лѣвую—многочисленный классъ, не получившій изъ урожая ничего кромѣ терніевъ и лишь послужившій навозомъ для тѣхъ всходовъ, которыми воспользовались одни счастливцы съ той стороны. Общество раскололось на два класса—эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ. Неумолимая судьба толкаетъ все новыя и новыя толпы несчастныхъ на лѣвую сторону, и борозда все дальше и глубже ложится по родимому полю. Въ Россіи уже на лицо всѣ тѣ глубокія перемѣны, которыя вноситъ въ феодальное общество развитіе капитализма. Сельское хозяйство теряетъ все больше свою первенствующую роль. Центръ тяжести переносится на промышленность, которая поглощаетъ все большее количество населенія. Деревня теряетъ свое прежнее значеніе, а городъ становится притягательной силой, куда стремятся всѣ лучшія соки деревни. Характерная черта, свойственная всякой капиталистической странѣ,—более быстрое увеличеніе городского населенія въ сравненіи съ сельскимъ—имѣетъ мѣсто и у насъ. По вычисленіямъ В. Михайловскаго приростъ городскаго населенія въ Россіи за періодъ 1885—1897 г. составляетъ 33,8%, слишкомъ вдвое больше общаго прироста жителей Европейской Россіи, и почти втрое больше роста сельскаго населенія. При этомъ совершенно не принято во вниманіе населеніе промышленныхъ селъ и мѣстечекъ, которыя ростутъ теперь какъ грибы, и населеніе которыхъ должно быть причислено по своему положенію къ городскому.

Новые классы, выдвинутые капиталистическимъ развитіемъ, имѣютъ совсѣмъ не такіе интересы, какіе были у

дореформенныхъ сословій. Классъ рабочій, продающій свою рабочую силу, заинтересованъ въ томъ, чтобы продать ее, какъ можно выгоднѣе. И всѣ его стремленія, всѣ его интересы лежатъ въ этой плоскости. Капиталисты предприниматели, являющіеся покупателями этой рабочей силы, стремятся всѣми зависящими отъ нихъ средствами помѣшать рабочимъ добиться какихъ-либо уступокъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ даже самая незначительная побѣда рабочаго всегда отражается на ихъ карманѣ, а карманъ у капиталиста самый дорогой органъ, за цѣлость котораго онъ готовъ на всякія жертвы. По мѣрѣ развитія капитализма борьба эта разгорается все шире и глубже. Правительство уже не можетъ игнорировать, какъ въ дореформенную эпоху этой борьбы, оно вынуждено подъ страхомъ собственной гибели вмѣшаться въ нее и тѣмъ или другимъ способомъ улаживать конфликты между враждующими сторонами. И несмотря на всю свою симпатію и кровныя связи съ капиталомъ, ему приходится нѣтъ, нѣтъ да и считаться съ могучею силою пролетаріата и обратить большое вниманіе на фабричное законодательство. Исторія новѣйшаго фабричнаго законодательства можетъ служить яркой иллюстраціей того кореннаго измѣненія въ соотношеніи общественныхъ силъ, которое внесъ капитализмъ. Если мы примемъ во вниманіе все сказанное о характерѣ русскаго фабричнаго законодательства выше, и будемъ помнить, что позиція правительства въ этомъ вопросѣ осталась неизмѣнной и до послѣдняго времени, то всѣ тѣ успѣхи, которыя удалось, несмотря на все это, вырвать пролетаріату, служатъ лучшимъ доказательствомъ мощи рабочаго класса, который становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире разливается капитализмъ.

Разсмотримъ теперь тѣ фабричные законы, которые получили русскіе рабочіе въ пореформенную эпоху Вопросъ о регулированіи дѣтскаго труда—вотъ первый шагъ нашего правительства на пути охраны труда. Эксплоатація дѣтей достигла дѣйствительно ужасныхъ размѣровъ: дѣти моложе 12 лѣтъ работали по 14 час. въ сутки. Но

дальше попытокъ и разныхъ проектовъ правительство идти не рѣшалось. Всѣ эти попытки разбивались о сопротивленіе фабрикантовъ, главнымъ образомъ московскихъ, гдѣ эксплоатація дѣтскаго труда шла въ особенно широкихъ размѣрахъ. Отмѣтимъ, что петербургскіе фабриканты, какъ это ни удивительно, оказались въ числѣ защитниковъ этого закона. Такую политику имъ диктовали ихъ собственные интересы. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ Петербургѣ рабочая плата была выше, чѣмъ въ Москвѣ и центральныхъ губерніяхъ, приблизительно на 1/3. Высокая плата, получаемая петербургскими рабочими, побуждала фабрикантовъ постоянно улучшать технику своихъ предпріятій и вводить все новыя и новыя машины съ той цѣлью, чтобы имѣть возможность все больше замѣнять трудъ рабочаго трудомъ машины. Въ виду этого петербургскимъ фабрикантамъ было очень выгодно совершенное уничтоженіе женскаго и дѣтскаго труда. По ихъ собственному заявленію трудъ этотъ былъ чрезвычайно непроизводителенъ, и злоупотребленіе имъ вело очень часто къ перепроизводству. Но для петербургскихъ фабрикантовъ было совсѣмъ невыгодно измѣнять условія только на своихъ фабрикахъ, конкуррентамъ же изъ Москвы и другихъ мѣстъ оставить возможность работать при старыхъ условіяхъ и безнаказанно пользоваться женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, который въ провинціи былъ баснословно дешевъ въ сравненіи съ Петербургомъ. Результатомъ этого и является постоянное стремленіе петербургскихъ фабрикантовъ провести законъ дѣтскаго, женскаго а также ночного труда, обязательный для всѣхъ. Московскіе же фабриканты всегда оказывались противниками такихъ реформъ, такъ какъ при низкомъ уровнѣ техники на московскихъ фабрикахъ и ничтожной заработной платѣ въ этомъ раіонѣ, имъ было чрезвычайно невыгодно лишать себя такой статьи дохода, какъ эксплоатація женщинъ и дѣтей. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ желанія московскихъ фабрикантовъ постоянно брали верхъ, и всѣ проекты этого закона не утверждались. Наконецъ,

1 іюня 1882 года правительство, слѣдуя настоятельнымъ указаніямъ петербургскихъ рабочихъ, издаетъ законъ, запрещающій на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ работу дѣтей до 12-лѣтняго возраста Работа малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ ограничена 8—10 часами въ сутки. Ночная работа была запрещена. Для надзора за исполненіемъ закона былъ назначенъ особый правительственный инспекторатъ. Чтобы слишкомъ не затруднять хозяевъ рѣзкимъ переходомъ къ новымъ условіямъ работы законъ предоставляетъ Министру Финансовъ разрѣшать фабрикантамъ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ изданія закона дѣлать отъ него нѣкоторыя отступленія. Законъ 1882 года имѣетъ громадное принципіальное значеніе. Правительство вынуждено сдѣлать первый шагъ въ дѣлѣ огражденія интересовъ рабочаго. Фабричный инспекторъ это новая фигура на фабрикѣ долженъ былъ внести новыя начала въ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ о положеніи рабочаго класса въ то время, какъ это обнаружилось въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ. Рабочій день удлинялся до ужасныхъ размѣровъ. На рогожныхъ фабрикахъ, напр., работа шла отъ 16 до 18 часовъ въ сутки безъ всякихъ смѣнъ. Такой непомѣрный рабочій день былъ не только для взрослыхъ, но и для дѣтей, изъ которыхъ многіе не достигали и 10 лѣтъ отъ роду. Число рабочихъ дней въ году было очень велико. Воскресная работа была явленіемъ самымъ обычнымъ. Отношенія хозяевъ и рабочихъ характеризовались крайнимъ произволомъ со стороны предпринимателей. Система штрафовъ была развита до виртуозности. Штрафы назначались по усмотрѣнію хозяина. Фабриканты, пользуясь совершенно безправнымъ положеніемъ рабочаго, не стѣснялись нарушать договоръ при всякомъ удобномъ случаѣ, напр., уменьшать заработную плату, когда это имъ вздумается. Сроковъ расплаты, опредѣленныхъ закономъ, совершенно не существовало. Деньги иногда выдавались всего по два раза въ

годъ. Повсемѣстно была распространена расплата не деньгами, а товарами. Санитарныя и гигіеническія условія работы и жизни рабочихъ были ужасны. Только на нѣкоторыхъ фабрикахъ существовали особыя спальни. Мужчины, женщины, дѣти—всѣ вмѣстѣ валялись на полу въ подвалахъ, въ камерахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха. Вотъ картина жизни рабочаго.

Въ 1884 и 1885 году произошли волненія на нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерній. Ближайшую причину этихъ волненій слѣдуетъ искать въ промышленномъ кризисѣ, разразившемся въ это время надъ Россіей. Слѣдствіемъ кризиса было громадное увеличеніе безработной арміи. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія рабочаго. Волненія значительно подвинули дѣло впередъ. Въ 1884 г. была обнародована инструкція чинамъ фабричной инспекціи и правила относительно исполненія постановленій закона владѣльцами фабрикъ и заводовъ. А 3 іюня 1885 г., несмотря на оппозицію фабрикантовъ, былъ изданъ законъ о воспрещеніи ночной работы женщинъ и дѣтей въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ производствахъ. Слѣдствіемъ этихъ же волненій явился еще болѣе важный законъ 1886 года. Законъ строго опредѣляетъ порядокъ и условія найма рабочаго, устанавливаетъ опредѣленные сроки для выдачи заработной платы, воспрещаетъ расплату товарами и т. д. Правительство, хотя и было вынуждено изданіемъ этого закона уступить требованіямъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе постаралось оградить себя на будущее время отъ повторенія такихъ же непріятныхъ для него исторій. Былъ изданъ законъ, значительно усиливавшій уголовныя репрессіи за стачки. Но и въ самомъ законѣ 1886 г. было предоставлено много преимуществъ хозяевамъ. Такъ, фабриканту за нарушеніе закона угрожало только легкое денежное взысканіе, не превышавшее 300 рублей, а рабочему въ большинствѣ случаевъ—тюремное заключеніе. Стачка со стороны хозяина не наказывалась, а наказаніе за стачку рабочаго сильно повышено. Кромѣ

того, даже самое запрещеніе ночной работы женщинъ и дѣтей, не вызывало большой оппозиціи со стороны фабрикантовъ, благодаря той заминкѣ, которая произошла тогда въ производствахъ изъ за кризиса. И только съ оживленіемъ торговли московскіе и владимірскіе фабриканты почувствовали всю горечь новыхъ постановленій. И въ этихъ законахъ былъ усмотрѣнъ чуть ли не соціализмъ. Подаются петиціи и докладныя записки, трактующіе о всѣхъ тѣхъ опасностяхъ, которыми угрожають отечественной промышленности и даже цѣлости государства законы 1885 и 1886 года. Настоятельно указывается на необходимость замѣны этихъ законовъ новыми. И хлопоты фабрикантовъ оказались чрезвычайно успѣшными. Въ 1890 г. вышелъ новый актъ по фабричному законодательству, сведшій къ нулю законы 1882 и 1885 годовъ о регулированіи дѣтскаго и женскаго труда, а въ 1893 была измѣнена также большая часть обязательныхъ правилъ 1886 г. въ пользу фабрикантовъ.

Слѣдующій правительственный актъ по регулированію труда рабочихъ былъ въ 1897 году. До этого года нормировалось рабочее время только женщинъ и дѣтей. Законъ же 97 года ограничивалъ продолжительность рабочаго дня и для взрослыхъ мужчинъ. Для всѣхъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи устанавливался максимальный рабочій день въ 11½ часовъ. Что побудило правительство издать этотъ законъ? Прежде всего, за сокращеніе рабочаго времени высказались множество самихъ фабрикантовъ. Долговременнымъ опытомъ они убѣдились, что такое сокращеніе рабочаго времени вреда имъ во всякомъ случаѣ никакого не принесетъ, наоборотъ, отъ этого только увеличится производительность труда рабочаго. Цѣлый рядъ фабрикъ центральнаго района еще до изданія этого закона по собственной инціативѣ сократилъ продолжительность рабочаго дня. И нигдѣ не пришлось раскаиваться за этотъ шагъ. Производительность труда часовой выработки на станкѣ увеличилась во всѣхъ производствахъ. Увеличеніе это достигло въ нѣкоторыхъ

отрасляхъ 20 и болѣе процентовъ. Однако, фабриканты остались и на этотъ разъ вѣрны себѣ, они употребили всѣ средства, чтобы затормазить изданіе новаго закона. Въ особенности они ополчились противъ отмѣны ночной работы. Послѣднее желаніе московскихъ фабрикантовъ и было исполнено цѣликомъ, законъ 1897 года ничего не говоритъ о ночномъ трудѣ. Да и вообще можно было опасаться, что выработка закона о нормировкѣ рабочаго времени затянется еще на довольно долгое время. Но въ это время послѣдовали извѣстныя стачки на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ 1896 и январѣ 1897 года, а 2 іюня того же года былъ изданъ законъ объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ.

По всему этому можно заключить, что правительство осталось строго послѣдовательно въ своемъ взглядѣ на фабричное законодательство. На первомъ планѣ полицейско-государственныя цѣли. Законы, регулирующіе трудъ постоянно вырываются силой, но даже и дѣлая эти невольныя уступки рабочимъ, правительство такъ или иначе стремится защитить интересы фабрикантовъ. Изданіе и, главнымъ образомъ, проведеніе въ жизнь новыхъ законовъ обыкновенно начинается лишь тогда, когда на этомъ настаиваютъ сами хозяева, слѣдовательно, когда это по тѣмъ или другимъ причинамъ выгодно имъ. Но во всякомъ случаѣ, правительство уже не въ силахъ было, какъ въ дореформенную эпоху, совершенно игнорировать требованія рабочихъ, оно вынуждено все больше направлять свое неусыпное вниманіе въ сторону новаго нарождающаго класса—класса фабричнаго пролетаріата. Всячески покровительствуя, изъ чисто фискальныхъ побужденій, развитію у насъ крупной промышленности, способствуя всѣми зависящими отъ него средствами развитію у насъ капитализма, правительство направляло всѣ свои силы только на поддержку фабрикантовъ, совершенно игнорируя интересы рабочихъ. Но такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не могло. По мѣрѣ роста промышленности, росъ и крѣпъ также и пролетаріатъ, и онъ

теперь представляетъ изъ себя столь значительную силу, что правительству волей неволей приходится считаться и уступать его требованіямъ.

Капиталъ побѣдоносно двигается впередъ, занимая одну за другой всѣ позиціи, лежащія у него по пути. Даже такой, казалось, несокрушимой силѣ, какой является русское правительство постоянно приходится считаться съ тѣми измѣненіями, которыя внесло развитіе капитализма въ соотношеніе общественныхъ силъ Россіи Капиталъ, словно паукъ, тонкой паутиной опутываетъ всю страну. Отъ его зоркаго взгляда не ускользаютъ самые мелкіе, самые далекіе уголки русской хозяйственной жизни. Капиталистической промышленности у насъ любятъ противоставлять—промышленность кустарную. Указываютъ на то, что это единственный уголокъ, куда капиталъ еще не проникъ и который навсегда закрытъ для него въ виду особенныхъ свойствъ этого уголка, дѣлающихъ его недоступнымъ для воздѣйствія капитала Вотъ поэтому чрезвычайно важно для окончательнаго выясненія характера и смысла эволюціи русской хозяйственной жизни остановиться также и на этой сторонѣ процесса, т. е. на вопросѣ о томъ, въ какомъ отношеніи къ общему капиталистическому развитію находится наша кустарная промышленность.

Фабричную и кустарную промышленность обыкновенно принято у насъ противоставлять, какъ формы производства во всѣхъ отношеніяхъ противоположныя другъ другу и находящіяся въ постоянномъ антагонизмѣ. Параллель проводится также еще слѣдующимъ образомъ: кустарная промышленность это отечественная самобытная форма производства, возникшая въ процессѣ естественнаго развитія русскаго общества; фабричная — это совершенно чуждая, занесенная изъ Западной Европы по капризу Петра и искусственно привитая нашему отечеству, которая къ тому же является совершенно неблагопріятной почвой для ея развитія. Насколько неправиленъ послѣдній взглядъ и насколько онъ противорѣчитъ фактамъ дѣй-

ствительности, показываетъ вся вышеизложенная исторія русской фабрики. Фабрично-капиталистическая промышленность является теперь внѣ всякаго сомнѣнія однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ нашей общественной жизни. Сколько бы не утверждали, что фабрика чужда намъ. что въ Россіи нѣтъ почвы для ея развитія, факты будутъ говорить совершенно другое: фабричная промышленность является въ настоящее время доминирующей силой въ нашемъ отечествѣ, невидимыми, но крѣпкими сѣтями покрыла она всю Россію. Кризисы, которыя переживаетъ время отъ времени наша промышленность отражаются на всей государственной и общественной жизни Россіи. Это служитъ лучшимъ показателемъ огромнаго вліянія капиталистическаго производства на всѣ стороны нашего государственнаго механизма. Обратимся теперь къ кустарной промышленности. Болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса приводитъ насъ къ заключенію, что всѣ разглагольствованія о какихъ то самобытныхъ истиннорусскихъ чертахъ кустарнаго производства, всѣ разговоры объ особенно благопріятныхъ условіяхъ русской дѣйствительности для развитія кустарной промышленности—являются совершенно односторонними и никакой реальной почвы подъ собою не имѣющими.

Часть кустарныхъ промысловъ возникла изъ домашняго производства, слѣдовательно ведетъ свое начало со временъ натуральнаго хозяйства. Ихъ происхожденіе теряется вдали вѣковъ. Кустарями обрабатывались тогда тѣ продукты, которые въ сыромъ видѣ добывались въ собственномъ хозяйствѣ. Пряденіе и ткачество льна, лѣсные промыслы, гвоздарный промыселъ относятся къ этому разряду. Эти старинные крестьянскіе промыслы дѣйствительно не имѣютъ въ своемъ возникновеніи ничего общаго съ капиталистической фабрикой. Но, какъ и всякая другая крестьянская промышленность, и эти промыслы сохранили характеръ самостоятельнаго производства лишь до тѣхъ поръ, пока обслуживали ближайшій къ нимъ рынокъ, но какъ только кустарное производство разрослось

до такихъ размѣровъ, что одинъ ближайшій рынокъ являлся недостаточнымъ и покупателя пришлось искать на болѣе отдаленномъ рынкѣ, промыселъ неизбѣжно подчинялся посреднику капиталисту и попадалъ такимъ образомъ въ большую или меньшую зависимость отъ торговаго капитала. А между этой и покупной системой, т. е. такой формой производства, которая основана непосредственно на наемномъ трудѣ, глубокаго принципіальнаго различія нѣтъ. Дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что рабочій работаетъ у себя на дому. Всѣ отвратительныя стороны капиталистической эксплоатаціи еще въ болѣе увеличенныхъ размѣрахъ имѣютъ мѣсто и въ нашей кустарной промышленности. Та же адская работа съ ранняго утра до поздняго вечера не разгибая спины, то же пользованіе дѣтскимъ и женскимъ трудомъ; то же безсовѣстное выжиманіе пота и крови кустаря капиталистомъ скупщикомъ. И все это продѣлывается безъ всякаго надзора со стороны государства; фабричная охрана труда совершенно не распространяется на кустарей. Такимъ образомъ рѣзкое противоставленіе даже и этихъ истинно отечественныхъ промысловъ фабричному производству основаній большихъ не имѣетъ. Уже въ XVII и XVIII вѣкѣ большинство нашихъ кустарныхъ промысловъ всецѣло находились во власти торговаго капитала. Купецъ является необходимымъ посредникомъ между непосредственнымъ производителемъ кустаремъ и покупателемъ его продукта, и зависимость, въ которую попадаетъ благодаря такому положенію вещей кустарь, ничѣмъ не отличается отъ зависимости наемнаго рабочаго къ своему хозяину—фабриканту.

Далеко не всѣ существующіе въ настоящее время промыслы возникли такимъ же образомъ, и происхожденіе ихъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть объяснено домашнимъ производствомъ. Масса промысловъ по самому существу своему не могутъ быть отнесены къ этому разряду. Таковыми, напр., является патронный промыселъ, дающій въ Московской губерніи занятіе 8000 работни-

цамъ, затѣмъ выдѣлываніе лайковыхъ перчатокъ (до 3-хъ тысячъ рабочихъ занято этимъ промысломъ въ одной Московской губ.) или выдѣлка офицерскихъ и солдатскихъ принадлежностей. Примѣровъ такихъ можно привести множество. Развѣ все перечисленное является предметами крестьянскаго потребленія. Конечно, нѣтъ. А въ такомъ случаѣ уложить исторію этихъ промысловъ въ обычную схему нѣтъ возможности. Кромѣ того много промысловъ, которыя съ перваго взгляда и могутъ подойти подъ обычную категорію, при болѣе подробномъ изученіи, должны быть также отнесены къ второй группѣ. Всѣ промыслы второй группы съ самаго начала своего существованія представляютъ законное дѣтище фабрики и крупной мастерской. Большинство промысловъ Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской и другихъ губерній возникли или въ концѣ XVIII столѣтія или въ началѣ XIX. Самымъ распространеннымъ ткацкимъ промысломъ въ центральной Россіи является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага, продуктъ исключительно иноземный, и въ Россіи ситцы стали выдѣлываться въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII вѣка. То же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкомъ промыслѣ. Я уже говорилъ, что промыслы второй группы, какъ это ни странно, обязаны своимъ происхожденіемъ фабрикѣ. Возьмемъ напр. хлопчатобумажную промышленность. Возникаетъ она въ формѣ крупныхъ фабрикъ. Затѣмъ наблюдается слѣдующее явленіе. Фабрика не только не поглощаетъ кустарную промышленность, но напротивъ сама поглощается ею. Вокругъ каждой фабрики возникаетъ множество мелкихъ кустарныхъ заведеній, съ такимъ успѣхомъ конкурирующихъ съ фабрикой, что послѣдней приходится весьма плохо. Процессъ ручного ткачества очень простъ, и производство изъ крупныхъ мастерскихъ быстро стало переноситься въ деревенскія избы и свѣтелки. Фабриканты скоро поняли преимущества отдачи пряжи на домъ крестьянамъ. Этимъ совершенно уничтожался расходъ на матеріалъ и орудія.

Владѣльцы тогдашнихъ крупныхъ мастерскихъ еще не обладали тѣми преимуществами, которыми капиталистическая фабрика такъ быстро вытѣсняетъ мелкую промышленность—высокій уровень техники, большая производительность труда и т. д.—все это совершенно отсутствовало на тогдашней фабрикѣ, которая въ сущности была только мануфактурой, основанной къ тому же главнымъ образомъ на принудительномъ трудѣ. Кустарь рѣшительно побиваетъ фабрику. Обычай раздавать пряжу на домъ быстро распространяется въ особенности въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Такимъ образомъ фабрика разлагалась и возникаетъ домашняя наемная работа. Крестьянинъ быстро освоивается съ производствомъ. Онъ уже не ограничивается ролью домашняго работника. Мало по малу онъ начинаетъ самъ пріобрѣтать матеріалъ и отъ себя продавать товаръ на сторону. Работа на дому для фабриканта переходитъ въ «самостоятельное» кустарное производство, которое въ свою очередь представляетъ изъ себя одинъ изъ видовъ покупной системы. Развитіе идетъ здѣсь по совершенно обратному направленію отъ фабрики черезъ наемную домашнюю промышленность къ самостоятельному кустарю. Промышленность въ селѣ Ивановѣ развивалась именно такимъ образомъ.

Первая половина XIX вѣка характеризуется рѣшительной побѣдой мелкаго ткачества. Въ началѣ антагонизмъ кустарной и фабричной промышленности не проявлялся такъ рѣзко. Крупная фабрика развивается рядомъ съ кустарной мастерской. Приблизительно съ 40-хъ годовъ положеніе дѣлъ рѣзко измѣняется въ пользу мелкаго кустарнаго производства. Въ промежуткѣ отъ 1836 до 1857 года общій размѣръ бумаготкацкаго производства возрастаетъ болѣе, чѣмъ въ три раза, а число рабочихъ на ткацкихъ «фабрикахъ» уменьшилось больше, чѣмъ на 20%. Развивалось, слѣдовательно, только одно мелкое кустарное производство.

Въ льняномъ ткачествѣ происходило то же самое. Фабрика сыграла и здѣсь аналогичную роль. Подобное же

можно сказать и про другія отрасли текстильной промышленности: вязаніе шерсти, пеньковое, парусиновое, шелковое—всѣ они обязаны своимъ происхожденіемъ фабрикѣ. Не избѣгли вліянія фабрики и промыслы по обработкѣ металловъ. Даже на такой старинный центръ слесарной кустарной промышленности, какимъ является село Павлово, фабрика наложила свою руку. Тульскіе желѣзнодѣлательные промыслы точно также развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ желѣзныхъ заводовъ, устроенныхъ еще въ XVII вѣкѣ. Такимъ образомъ громадная часть всѣхъ существующихъ въ настоящее время промысловъ или непосредственно были вызваны къ жизни фабрикой, или же въ процессѣ своего развитія подверглись съ разныхъ сторонъ ея сильному вліянію. Напр., въ Московской губерніи изъ 141.000 человѣкъ, занятыхъ въ кустарныхъ промыслахъ, 82 000 т. е. 59% занимаются промыслами, созданными фабрикой.

Наше кустарное производство не представляетъ изъ себя какого то особеннаго явленія, которое можно было бы всегда противоставлять фабрикѣ съ какой бы то ни было стороны—со стороны ли возникновенія, со стороны ли тѣхъ яко бы лучшихъ условій, въ которыхъ приходится работать кустарю сравнительно съ фабричнымъ рабочимъ. Наши кустарные промыслы вовсе не обладаютъ такими особенными свойствами, на основаніи которыхъ мы могли бы выдѣлять ихъ въ особую, не имѣющую себѣ подобныхъ въ другихъ странахъ, форму производства. Кустарные промыслы есть мелкая ремесленная форма производства, и какъ таковая наблюдается въ каждой странѣ на извѣстной ступени развитія ея производительныхъ силъ. При дальнѣйшемъ поступательномъ развитіи производительныхъ силъ страны эта легкая форма производства обречена на гибель. Ростъ производительныхъ силъ обусловливается между прочимъ стремленіемъ хозяйствующаго субъекта получать какъ можно больше при наименьшей затратѣ силъ и въ возможно короткое время. Увеличеніе производительности труда является вслѣдствіе этого однимъ изъ

главнѣйшихъ условій развитія производительныхъ силъ. А мелкая форма производства не можетъ удовлетворять этому условію до безпредѣльности. Крупная форма производства съ ея раздѣленіемъ труда, съ широкимъ употребленіемъ машинъ, съ ея большой устойчивостью противъ всякихъ шкваловъ коммерческаго рынка имѣетъ такія преимущества передъ мелкой формой промышленности, которыя обезпечиваютъ ей рано или поздно рѣшительную побѣду надъ мелкимъ производствомъ! Посмотримъ, насколько оправдывается это теоретическое положеніе опытомъ нашей Россіи. Выше было указано на процессъ образованія нашихъ кустарныхъ промысловъ. Возникновеніе фабричнаго производства, повидимому, никакого кризиса въ кустарной промышленности не вызвало: кустарная промышленность продолжаетъ развиваться на ряду съ увеличеніемъ фабричнаго производства. Первыя русскія фабрики производили, главнымъ образомъ, такіе продукты, которые не входили въ сферу кустарныхъ промысловъ. Горное дѣло, выдѣлка разныхъ военныхъ принадлежностей, оружія, производство солдатскихъ суконъ, писчей бумаги—все это совершенно не затрогивало кустарей. Въ началѣ XIX вѣка русская фабрика начинаетъ захватывать и такія отрасли, которыя удовлетворяли потребностямъ сельскаго населенія; фабрика начинаетъ врываться въ сферу кустарнаго производства. На этотъ разъ побѣдителемъ выходитъ кустарь. Николаевская эпоха представляетъ самую цвѣтущую пору кустарной промышленности. Фабрика не только не вытѣсняетъ кустаря, но, наоборотъ, она сама вызываетъ къ жизни совершенно новые, доселѣ не существовавшіе, промыслы. Фабрика является школой для кустаря. Тѣ новые пріемы производства, которые вводятся на фабрикѣ, кустарь переноситъ въ свѣтелку и дѣлаетъ такимъ образомъ трудъ свой болѣе производительнымъ. Въ періодъ отъ 40-хъ до 60-хъ годовъ кустарь начинаетъ вытѣснять фабрику. Фабрики мельчаютъ, количество рабочихъ, приходящихся на одну фабрику, уменьшается, количество рабочихъ, занятыхъ

на дому, растетъ. При условіяхъ дореформенной эпохи иначе и быть не могло. Феодальный крѣпостной строй являлся непреодолимымъ тормазомъ для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ на фабрикѣ, и она поневолѣ должна была уступить мѣсто кустарю. Кустарь довольствуется меньшей прибылью, а фабрика еще не обладала тѣми техническими преимуществами, которыя такъ удешевляютъ въ настоящее время крупное производство. Фабрикантъ вынуждается раздавать работу на домъ. Такъ продолжалось до 1861 года.

Феодально-крѣпостныя цѣпи, такъ долго державшія въ тискахъ жизнь всей Россіи, наконецъ, были сняты. Капиталъ поднялъ голову. Фабричная промышленность выбилась на правильный путь. Капиталистическое производство стало господствующей формой. Какъ же все это отразилось на мелкой кустарной промышленности? Отвѣтъ единственный: мелкое производство гибнетъ, изъ одной отрасли за другой крупное производство вытѣсняетъ кустаря. Никакихъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ. Даже ярые сторонники кустарнаго производства этого не отрицаютъ. Имъ остается лишь вздыхать и произносить жалобныя слова, глядя на то, какъ ихъ любимое дѣтище все чахнетъ и гибнетъ, а жестокій капитализмъ, несмотря на всѣ ихъ проклятья, все дальше и глубже простираетъ свои широкія лапы. Всѣ статистики констатируютъ фактъ быстраго паденія промысловъ Московской, Владимірской, Костромской и другихъ губерній, бывшихъ прежде центрами кустарнаго производства. Статистика доказываетъ, что исходъ борьбы мелкаго производства съ крупнымъ уже опредѣлился съ полной ясностью: мелкое производство, такъ успѣшно вытѣснявшее въ дореформенную эпоху фабрику, оказалось совершенно несостоятельнымъ при настоящихъ условіяхъ борьбы, когда на сцену выступила капиталистически организованная фабрика. Интересной иллюстраціей этой борьбы можетъ послужить слѣдующій любопытный фактъ. Рогожные промыслы являются на первый взглядъ наиболѣе

недоступными для крупнаго машиннаго производства, и, казалось, они то должны если не развиваться, то во всякомъ случаѣ не чувствовать конкурренціи фабрики. А между тѣмъ эти промыслы падаютъ. Фабрика, оказывается, нашла другой путь: рогожи вытѣсняются холщевыми джутовыми мѣшками, приготовляемыми уже фабричнымъ способомъ и продаваемыхъ по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Фабрика, такимъ образомъ, всегда находитъ ту или другую возможность ворваться въ любую отрасль и вытѣснить затѣмъ оттуда мелкаго кустаря.

Жизненность кустарныхъ промысловъ и ихъ несомнѣнную приспособленность въ борьбѣ съ крупнымъ производствомъ часто доказываютъ тѣмъ фактомъ, что во многихъ кустарныхъ промыслахъ мастерскія не только не расширяются, а, наоборотъ, онѣ распадаются, а количество хозяевъ, пользующихся только собственнымъ трудомъ и трудомъ своей семьи безъ вольнонаемнаго, увеличивается. Этотъ фактъ, по ихъ мнѣнію, долженъ каждаго убѣдить, что мелкое кустарное производство обладаетъ такими силами, которыя даютъ ему возможность успѣшно и даже побѣдоносно бороться съ крупной мастерской. Посмотримъ, такъ ли это. Факты такіе, несомнѣнно, наблюдаются. Какъ же ихъ объяснить? А дѣло въ томъ, что причина распаденія мастерскихъ вовсе не та, на которую указываютъ поклонники мелкаго производства. Обыкновенно это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ данной мѣстности возникаетъ рядъ крупныхъ фабрикъ (только при появленіи фабрики наблюдается это явленіе). Фабрика успѣшно конкуррируетъ съ кустарными мастерскими, имѣя возможность благодаря техническимъ преимуществамъ понижать цѣны на продукты. Кустарь вынужденъ также продавать дешевле свой товаръ, иначе онъ рискуетъ остаться безъ покупателя. Каждое новое усовершенствованіе даетъ возможность фабриканту еще больше удешевлять товары, и прибыль его при этомъ можетъ нисколько не страдать. Кустарь не въ силахъ угнаться за крупнымъ фабрикантомъ. Пониженіе цѣнъ на

товары идетъ не за счетъ удешевленія процесса производства, а за счетъ его собственнаго кармана, его собственной прибыли и необходимость эта является для него разореніемъ. Онъ отказывается отъ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей, чтобы хоть на время отвратить грозящую ему окончательную гибель. Дѣло, наконецъ, доходитъ до того, что хозяева небольшихъ мастерскихъ, существующихъ въ данномъ промыслѣ, должны распустить своихъ рабочихъ, такъ какъ предпринимательская прибыль уже не окупаетъ даже расходовъ по содержанію мастерской. Рабочіе начинаютъ работать на дому, потому что при этомъ условіи есть еще нѣкоторая возможность влачить хоть нѣкоторое время свое существованіе. Кустарь увеличиваетъ до невозможныхъ предѣловъ рабочій день себѣ и своей семьѣ, работая при ужасныхъ гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ, отказывая себѣ въ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ, и голодомъ, и холодомъ отстраняетъ еще на короткій срокъ свое полное разореніе. Вотъ какова оборотная сторона этого факта. Она далеко не говоритъ въ пользу преимуществъ мелкаго производства, и доказываетъ только одно—воистину удивительные стойкость и терпѣніе мелкаго производителя, его умѣнье голодать, не досыпать и вообще вести самое жалкое существованіе.

Приведемъ описаніе одного ткацкаго промысла, помѣщенное въ № 9 за 1904 г. «Экономической газеты».

«Ручное ткачество возникло здѣсь (въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи), какъ и въ другихъ мѣстахъ губерніи съ незапамятныхъ временъ. 50—60 годы истекшаго столѣтія отмѣчены широкимъ развитіемъ ручного ткачества, которое ко времени турецкой войны достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта. «Лѣтъ 40—30 тому назадъ—разсказываютъ крестьяне—ткачество было развито здѣсь очень широко, имъ занималась почти каждая семья... Въ то время работало много мужчинъ, а дѣвицы даже и лѣтомъ въ свободное время... Заработки были прямо баснословны: за кусокъ сарпинки 1 р.—1 р. 20 к., а теперь

только 40 к.». Но съ конца 70-хъ годовъ этотъ промыселъ сталъ быстро падать. Еще въ 1883 году В. Пругавинъ насчитывалъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ 5690 ткацкихъ станковъ, въ годъ же нашего изслѣдованія (1899 г.) здѣсь осталось только 3170 ручныхъ ткачей; т.-е, если принять во вниманіе, что на одномъ станкѣ иногда работаютъ по двое, за послѣднія 17 лѣтъ число ручныхъ ткачей сократилось ровно вдвое. Изъ 11 волостей, гдѣ въ 1883 году существовали ткацкія свѣтелки, теперь осталось только 8, гдѣ сохранилось домашнее ткачество. «Хвабрика — намъ погибель»—объясняютъ мѣстные крестьяне это явленіе. «Теперь лучшіе ткачи уходятъ на фабрику, въ мѣстныя свѣтелки ходятъ или старики, или подростки, едва начинающіе ткать. Остаются дома тѣ, которые не могутъ жить на сторонѣ, вотъ эти то и работаютъ». «Въ настоящее время во всей деревнѣ—объясняютъ крестьяне—остались только 3 станка въ домахъ, да и тѣ скоро не будутъ работать, лучше собирать, чѣмъ этимъ дѣломъ заниматься».

Надо сказать, что въ 70-хъ годахъ въ этой деревнѣ было 5 свѣтелокъ на 65 становъ. «Работаютъ лишь въ семьяхъ побѣднѣе, кому жить нечѣмъ». Одинъ изъ главныхъ признаковъ упадка какого-нибудь промысла—это отсутствіе въ немъ мужского элемента, уходящаго на болѣе выгодныя занятія. Въ 1883 году среди домашнихъ ткачей мужчинъ было—46,6%, теперь же осталось гораздо меньше—25,7% Ровно 3/4 ручныхъ ткачей составляютъ женщины. Нѣтъ ни одного еще промысла, который бы пользовался столь широко женскимъ трудомъ. Ручное ткачество теперь все больше и больше переселяется изъ свѣтелокъ въ избы. Въ 1883 году г. Пругавинъ насчитывалъ по уѣздамъ 490 свѣтелокъ, въ настоящее время осталось только 277, изъ которыхъ 12 совсѣмъ не работаютъ, закрыты. Несмотря на то, что остается много старыхъ свѣтелокъ, всетаки ручное ткачество по свѣтелкамъ сократилось: въ 1883 году по избамъ работало 14% всѣхъ ткачей, теперь же 21,5%». Далѣе въ статьѣ разсказывается, какъ вынужденъ ткачъ сокра-

щать свои потребности, изнемогая въ борьбѣ съ фабрикой. Заработокъ его настолько малъ, что въ общемъ рабочій часъ ткача цѣнится не болѣе и не менѣе какъ въ одну копѣйку. Рабочій день продолжается отъ 4 утра до 10—11 часовъ вечера. Условія работы самыя ужасныя. Трудъ адскій, страшно изнуряющій весь организмъ. Помѣщеніе неописуемо. Проработавъ весь день, ткачъ къ вечеру чувствуетъ себя совершенно разбитымъ, а затѣмъ послѣ короткаго отдыха снова та же адская работа—и такъ безъ конца».

Описаніе это вполнѣ подтверждаетъ все сказанное выше о кустарныхъ промыслахъ.

Интересно, что многіе промыслы возникаютъ чуть ли не на нашихъ глазахъ. И опять-таки вызываются они къ жизни той же фабрикой. Открывается новая фабрика. Вокругъ нея образуется цѣлый рядъ промысловъ, изготовляющихъ различные предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ производству на фабрикѣ. Напримѣръ, въ Кимрахъ на нашихъ глазахъ возникла новая отрасль сапожнаго производства—выдѣлка такъ называемаго гамбургскаго товара, благодаря устройству вблизи Кимръ большого кожевеннаго завода, открывшаго выдѣлку кожи по новому способу. Вокругъ крупной промышленности г. Кунгура образуется цѣлый рядъ кустарныхъ промысловъ, какъ то: отдѣлка кожъ, шитье кожаной обуви, приготовленіе шпильки для сапогъ, деревянныхъ сапожныхъ колодокъ, приготовленіе золы для кожевеннаго завода и др. Фактъ ничего исключительнаго изъ себя не представляющій. И въ Западной Европѣ крупная промышленность вызвала цѣлый рядъ новыхъ мелкихъ промысловъ. Убивая одну отрасль мелкой промышленности, крупное производство параллельно развиваетъ другую. Но конечный итогъ остается тотъ же: мелкое производство исчезаетъ. Вызывая новые промыслы на одной стадіи промышленнаго развитія, на другой фабрика вступаетъ съ ними въ борьбу, которая кончается рано или поздно побѣдой крупнаго производства.

Но и помимо конкурренціи фабрики, мелкое производство вырождается и по другимъ причинамъ. Даже такіе промыслы, которые до сихъ поръ не столкнулись съ фабрикой, сами въ процессѣ собственнаго развитія теряютъ свой мелкій ремесленный характеръ, и все больше принимаютъ капиталистическую окраску. О вліяніи торговаго капитала на кустарные промыслы было уже указано выше: кулакъ-скупщикъ является господиномъ во всѣхъ безъ исключенія промыслахъ. Но въ мелкомъ товарномъ производствѣ замѣчается еще одна очень важная тенденція — именно все увеличивающееся употребленіе наемнаго труда и образованіе капиталистическихъ мастерскихъ *). Внутри самыхъ промысловъ произошло сильнѣйшее разложеніе. Взглядъ на кустарные промыслы какъ на такую форму производства, гдѣ наемному труду нѣтъ совершенно мѣста, противорѣчитъ дѣйствительности. Болѣе сильныя экономическія семьи, напримѣръ, имѣющія большое количество собственныхъ рабочихъ рукъ, поставлены въ лучшія условія, чѣмъ семьи, обладающія незначительнымъ количествомъ собственныхъ рабочихъ рукъ. Производство въ этихъ семьяхъ идетъ далеко не одинаково. Въ первой семьѣ всегда оказывается возможность произвести больше продуктовъ, а, слѣдовательно, и заработать гораздо больше, чѣмъ во второй. И болѣе счастливой семьѣ удается, наконецъ, расширить свое производство до такихъ размѣровъ, когда уже является надобность въ наемномъ трудѣ. Съ другой стороны образуется такой контигентъ среди кустарей, который доведенъ нуждой до необходимости работать по найму, такъ какъ собственными средствами онъ уже не имѣетъ возможности продолжать дальше производство. Такъ происходитъ разслоеніе внутри мелкаго производства. Съ одной стороны образуется рядъ капиталистическихъ мастерскихъ, во главѣ которыхъ стоятъ маленькіе фабриканты, а съ другой деревня выдвигаетъ все большее количество лицъ,

*) Ильинъ. Развитіе капитал. Стр. 265.

по своимъ интересамъ и положенію въ производствѣ занимающихъ то же мѣсто, что и городскіе рабочіе. Ильинъ *) вычислилъ, что въ 33 промыслахъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣлись у него, 45% всей суммы производства приходится на долю 15% всѣхъ заведеній, пользующихся 60% всѣхъ наемныхъ рабочихъ. И такъ, мелкое производство гибнетъ, тѣснимое съ одной стороны фабрикой, а съ другой собственнымъ развитіемъ обреченное придти къ тому же результату—образованію крупнаго капиталистическаго производства, при чемъ это стремленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмь издержки производства въ промыслѣ выше, т. е. чѣмъ дороже матеріалъ и орудія производства. Только тѣ немногочисленные промыслы, которые пользуются даровымъ матеріаломъ и не требуютъ почти никакихъ орудій для производства (напримѣръ, плетеніе корзинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) остались на первобытной стадіи развитія. На всѣ же имѣющіе большее или меньшее значеніе въ промышленной жизни страны промыслы капитализмъ наложилъ уже свою печать, и смерть, неминуемая смерть, грозитъ мелкому производству.

---

*) Развит. капит., діаграмма между стр. 264-265.

Вандервельдъ. Программа Бельгiйской рабочей партiи, ц. 3 к.

Андрей Нѣмосвскiй. Разсказы изъ рабочей жизни. Переводъ и предисловiе Алексинскаго, ц. 10 к.

Лиссагаре. Исторiя коммуны 1871 года, съ предисловiемъ Мендольсона. Переводъ съ французскаго подъ редакцiей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 80 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ. Перев. съ нѣм., с: предисловiемъ Антонова, ц. 40 к.

Л. Декаевъ, Фленго. Майскiя воспоминанiя 1871 г., ц. 3 к.

Пролетарiй. Соцiализмъ «соцiалистовъ-революцiонеровъ», ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Соцiаль-демократiя при свѣтѣ культуры, ц. 20 к.

Каутскiй и Шенланкъ. Программа Германской соцiалъ-демократiи. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. О. А. Аносовсй, ц. 20 к.

Стефенсъ. Аграрный соцiализмъ въ Бельгiи. Предисловiе и переводъ М. Сильвина, ц. 20 к.

Таганскiй. Демократическая республика и Новая Зеландiя, ц. 5 к.

Мейеръ. Экономическое развитiе древняго мира. Переводъ Гершензона, ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Францiи. Перев. подъ ред. В. Л. Шанцера, ц. 20 к.

Э. Марксъ. Классовое рабочее движенiе въ Англiи. Пер. М. Переса, ц. 10 к.

Минаевъ. 8-часовой рабочiй день. Подъ ред. приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 10 к.

Лафаргъ. Капиталъ и трудъ. Популярное изложенiе К. Маркса. Перев. Козеренко, подъ ред. Антонова, ц. 25 к.

В. Канель. Фабричная медицина и бюрократiя, ц. 8 к.

О. Мирбо. Дурные пастыри. Пер. Релюкъ, ц. 10 к.

Шахназарьянцъ. Крестьянское движенiе и соцiаль-демократiя въ Грузiи. ц. 30 к.

В. Либкнехтъ. Изъ исторiи Германiи XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ редакцiей Степанова, ц. 25 к.

Анри Мишелъ. Задачи французской демократiи, ц. 10 к.

Давильковскiй. Вольная земля и наше земледѣлiе.

Папъ. Организацiя общественныхъ учрежденiй въ будущемъ о-вѣ, ц. 15 к.

Росси. Движенiе въ Сицилiи, ц. 25 к.

Объ анархизмѣ. Пер. Переса, ц. 15 к.

Бертранъ. Право на жизнь, ц. 10 к.

Блюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу, ц. 10 к.

Станиславъ (А. Вольскiй). Къ вопросу о нацiонализацiи земли ц. 25 к.

Батыревъ. Что такое бюрократiя, ц. 4 к.

Каутскiй. Бернштейнъ и соцiальдемократическая программа. Полный переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакцiей М. Г. Лунца, ц. 50 к.

На складѣ имѣются всѣ изданiя Е. Д. Мягкова «Народная Мысль».

Типографiя «Сѣверъ» А. М. Лесмана, Спб., Садовая 42.